

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СВОДЪ СОЧИНЕНІЙ ХОМЯКОВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Въ разсказѣ о жизни Алексѣя Степановича Хомякова мы указали на вѣдшія особенности его сочиненій, обусловленныя ихъ происхожденіемъ и разными случайными обстоятельствами. Характеръ отрывочности, присущій многимъ его статьямъ, значительно затрудняетъ ихъ связанное чтеніе. Изложеніе Хомякова такъ увлекательно, языкъ его такъ художественно-простъ, мысли такъ ярки и новы, что, начавъ читать, хотя бы случайно, любую страницу, всякій непредубѣжденный (а можетъ быть даже и предубѣжденный) читатель не легко остановится. Но этого мало для усвоенія мыслей такого мыслителя, какъ Хомяковъ. Читая его, естественно желать по возможности полно уразумѣть всю стройную систему, изложенную имъ ясно, но не совсѣмъ обычно. Нельзя требовать отъ всякаго читателя охоты къ нелегкой и довольно хлопотливой работѣ систематизаціи прочитаннаго. Даже, у Хомякова довольно много повтореній, ибо статьи его обнимаютъ собою болѣе двадцати лѣтъ времени. Его „Записки о всемірной исторіи“ расположены, напротивъ, по зрѣло обдуманному плану; но за то они переполнены мелкими фактическими данными по исторіи и особенно по сравнительной филологіи, мелочами, не для всякаго читателя равно занимательными. Все это вмѣстѣ заставляетъ желать нѣкоторой предварительной систематизаціи, которая бы облегчала всякаго въ первый разъ приступающаго къ чтенію сочиненій Хомякова, давая ему руководящую нить и удерживая отъ уклоненій во второстепенныя подробности. Въ трудахъ Хомякова важны не эти подробности, часть которыхъ (поскольку онѣ касаются археологіи) даже и не сохранила своего научнаго значенія черезъ полвѣка послѣ того какъ писалъ Хомяковъ: важны тѣ общія начала, тѣ основныя мысли, которыя, думаемъ мы, никогда не утратятъ своей силы.

Вотъ тѣ соображенія, на основаніи которыхъ составлено нижеслѣдующее изложеніе сочиненій Хомякова. Исключая всѣ мелкія фактическія подробности, приводя только питательную часть ихъ тамъ, гдѣ онѣ совершенно необходимы для уразумѣнія основныя положеній, избирая при повтореніяхъ наиболѣе, по нашему мнѣнію, краткое и отчетливое изложеніе автора, мы попытались дать по возможности сжатый сводъ всего высказаннаго Хомяковымъ. При этомъ мы старались почти все изложеніе составить изъ послѣдовательнаго рода подлинныхъ выписокъ, соединяя ихъ лишь самыми краткими переходными періодами и предпочитая нѣкоторую неизбѣжную при этомъ шероховатость пересказу своими словами того, что безъ сомнѣнія выразительнѣе въ подлинникѣ. Не сочли мы нужнымъ скрадывать и разницу въ способѣ изложенія между Записками о всемірной исторіи, Катихизисомъ и отдѣльными статьями, разницу, происходящую отъ частнаго характера каждаго изъ этихъ отдѣловъ: историческаго, догматическаго и полемическаго. И по отношенію ко вѣдшней своей формѣ изложеніе является то болѣе сжатымъ, то болѣе подробнымъ. Впрочемъ у Хомякова иногда нѣсколько словъ вполне исчерпываютъ мысль. Мы просимъ также читателя

помнить, что многое въ писаніяхъ Хомякова, помимо смысла общаго, относилось и къ данному времени и слѣдовательно измѣнило свой вѣдущій смыслъ теперь, черезъ полвѣка. Идѣ это наиболѣе бросается въ глаза, мы въ выноски дѣлаемъ хронологическую ссылку; но и во всемъ изложеніи не мѣшаетъ имѣть это въ виду. Всѣ выписки приводятся нами дословно съ рѣдкимъ лишь исключеніемъ вводныхъ словъ и союзовъ.

Наибольшую трудность представлялъ выборъ системы изложенія. Самый поверхностный взглядъ на собраніе сочиненій Хомякова, даже просто на ихъ оглавленіе, убѣждаетъ въ полной невозможности изложенія хронологическаго по отношенію ко времени написанія отдельныхъ статей. Необходимо, стало быть, расположеніе ихъ по содержанію, а такое расположеніе не можетъ не быть нѣсколько произвольнымъ и даже искусственнымъ. Этотъ упрекъ мы напередъ принимаемъ; но думаемъ, что задача изложенія дѣлаетъ эту искусственность очень несущественною. Въ самомъ дѣлѣ, наша задача—дать краткій сводъ мыслей Хомякова его же словами; при этомъ врядъ ли возможно извращеніе смысла, а стало быть то или другое расположеніе матеріала является почти безразличнымъ, лишь бы оно вело къ наиболѣе успѣшному уясненію хода мыслей автора. Чтобы ходъ этотъ постоянно былъ ясенъ и не терялся въ подробностяхъ, мы во многихъ мѣстахъ ограничиваемся лишь самыми краткими выписками. Такъ напримѣръ, въ главѣ о философіи мы приводимъ лишь основную мысль автора; ибо если начать распространять ее, то придется повторить все сказанное въ трехъ статьяхъ, а ихъ каждый можетъ прочесть самъ. Тоже относится къ вопросамъ практическимъ, затронутымъ въ нѣсколькихъ статьяхъ. Цѣль настоящаго труда—не замѣнить собою чтеніе подлинника, а лишь вызвать и облегчить его; разъ эта цѣль будетъ достигнута, избранная нами система отступитъ уже на задній планъ*). Система же эта слѣдующая.

Основаіе всѣхъ воззрѣній Хомякова—его убѣжденія религіозныя. Въ нихъ объясненіе всей его жизни, въ нихъ же исходная точка всѣхъ его философскихъ, историческихъ и общественныхъ взглядовъ. Человѣкъ долженъ жить (и живетъ, хотя бы даже не сознавая этого) такъ, какъ вѣрить. Съ вѣры, съ исторіи религій, съ ученія о церкви и начинается наше изложеніе, переходя затѣмъ послѣдовательно, такъ сказать, концентрическими кругами, ко всѣмъ областямъ дѣятельности человѣка, какъ члена семьи, народа, человѣчества. Въ поступательной жизни послѣдняго, въ исторической смѣнѣ народовъ встрѣчаемся мы съ судьбами Славянства и въ частности Россіи и заканчиваемъ наше изложеніе указаніемъ на задачи Россіи и просвѣщеннаго Русскаго человѣка въ будущемъ. Хомяковъ видѣлъ въ Русскомъ народѣ задатки осуществленія идеала христіанскаго общества: съ этимъ мы возвращаемся къ исходной точкѣ принятой нами схемы—къ вѣрѣ, какъ ерeдoтoчнo духовнаго существа человѣка.

---

*) Для того, чтобы читатель отъ всякаго мѣста нашего изложенія могъ безъ затрудненія перейти къ соотвѣтственному мѣсту подлинника, все изложеніе снабжено ссылками. Ссылки эти проставлены на поляхъ. Римская цифра означаетъ одинъ изъ четырехъ томовъ полнаго собранія сочиненій А. С. Хомякова, Арабская—страницу, съ которой выписка начинается. Цифры взяты для первыхъ трехъ томовъ по *второму* ихъ изданію, для четвертаго—по *первому*: I томъ—1878 года, II т.—1880 г., III т.—1882 г. и IV т.—1873 г. Чтобы не пестрить текста, мы не сочли пужнымъ отмѣчать особымъ прицѣтомъ свои вставки, какъ по ихъ крайней краткости, такъ и по безусловному отцутствію въ нихъ какихъ бы то ни было мыслей, не принадлежащихъ Хомякову.

ИСТОРИЯ РЕЛИГИЙ.

I.

Значеніе вѣры въ жизни человѣка. — Религіи міра при началѣ исторіи. — Два основныя религіозныя начала: начало стихійное (религія вѣщественной необходимости) и начало духовное (религія нравственной свободы). — Ихъ столкновеніе, взаимное воздѣйствіе и сліяніе. — Буддизмъ. — Вѣсобщее измѣлчаніе религій. — Реформаторы. — Религіозное преданіе народа Еврейскаго. — Религіи Греціи и Рима. — Система змананій. — Философіи. — Проповѣди Еврейства. — Конецъ древнихъ вѣрованій. — Явленіе Мессіи. — Христіанство. — Пеламъ. — Значеніе Христіанства въ послѣдующей исторіи человѣчества.

III, 8. Вѣра составляетъ предѣлъ внутреннему развитію человѣка. Изъ ея округа онъ выйти уже не можетъ, потому что вѣра есть высшая точка всѣхъ его помысловъ, тайное условіе его желаній и дѣйствій, крайняя черта его знаній. Въ ней его будущность личная и общественная, въ ней окончательный выводъ всей полноты его существованія разумнаго и всемірнаго.

Таково значеніе Вѣры во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ, съ самыхъ первыхъ ступеней человѣчества.

Вѣра проникаетъ все существо человѣка и всѣ отношенія его къ ближнему; она какъ бы невидимыми нитями или корнями охватываетъ и переплетаетъ всѣ чувства, всѣ убѣжденія, всѣ стремленія его. Она есть какъ будто лучшій воздухъ, претворяющій и измѣняющій въ немъ всякое земное начало или какъ бы совершеннѣйшій свѣтъ, озаряющій всѣ его нравственныя понятія и всѣ его взгляды на другихъ людей и на внутренніе законы, связующіе его съ ними. Поэтому Вѣра есть также высшее общественное начало: ибо само общество есть ничто иное, какъ видимое проявленіе нашихъ внутреннихъ отношеній къ другимъ людямъ и нашего союза съ ними.

Такова Вѣра въ высшемъ своемъ проявленіи—въ ученіи Христа, въ Откровеніи Божественномъ. Но полнота богопознанія не была присутствующа человѣчеству отъ начала его существованія.

III, 155. Невозможно рѣшительно утвердить, какая форма вѣрованія прежде всѣхъ появилась на землѣ.

Величественныя проявленія силъ природы, лучезарное и могучее солнце, вѣчно неизмѣнное звѣздное небо въ свой чередъ служили предметами поклоненія народовъ.

III, 158. Всѣ религіи древности при первомъ мерцаніи историческаго свѣта представляются раздѣленными на три всеобъемлющіе разряда. Греція, Италия, Египетъ, Сирія и южная Индія преданы идолопоклонству и многобожію; сѣверная Индія признаетъ всебожіе, но съ личностью всеобщаго самосознанія (пантеизмъ теистическій); Израиль, Иранъ Зендскій и Китай поклоняются одному началу и источнику всего сущаго. Вѣры другихъ племенъ для насъ загадка, которая объясняется только изъ свидѣтельствъ позднѣйшихъ и изъ догадокъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ.

Дуализмъ сводится или къ единобожію (какъ въ Иранѣ, гдѣ доброму началу принадлежитъ окончательная побѣда), или ко многобожію (въ Египтѣ).

III, 530. Сравненіе вѣры и просвѣщенія (которое зависитъ единственно отъ Вѣры и въ ней заключается, какъ все прикладное заключается въ чистой наукѣ) приводитъ насъ къ двумъ кореннымъ началамъ: къ Иранскому, то есть духовному поклоненію свободно-творящему духу или къ первобытному, высокому единобожію, и къ Кушитскому—признанію вѣчной органической необходимости, производящей въ силу логическихъ неизбѣжныхъ законовъ *).

---

*) Названія Кушитскій и Иранскій употреблены въ этомъ смыслѣ (какъ культурно-историческіе термины) въ первый разъ самимъ Хомяковымъ. Первое слово не требуетъ объясненія: оно взято прямо изъ книги Бытія, гдѣ племя Кушъ обозначена Эѳіопія, которую Хомяковъ признаетъ за колыбель Кушитства или Шиваизма. Впоследствии наука усумнилась въ древности Эѳіопской цивилизаціи; но это сомнѣніе не мѣняетъ сущности воззрѣнія Хомякова, ибо касается только одного названія. Самостоятельно ли было просвѣщеніе Эѳіопіи, или принесено изъ Египта, въ данномъ случаѣ безразлично; ибо Хомяковъ, какъ видно изъ слѣдующей ссылки, рядомъ съ Мероэ ставилъ Оивы и во всякомъ случаѣ имѣлъ въ виду не самый тотъ или другой народъ, а присущее ему религіозное начало. Относительно второго термина необходимо также сдѣлать оговорку и имѣть ее въ виду при всемъ слѣдующемъ изложеніи. Подъ *Ираномъ* въ общемъ смыслѣ Хомяковъ разумѣлъ не одну только страну, называемую нами обыкновенно Персіей, но колыбель народовъ *Арійскихъ*, и словомъ *Иранскій* обозначалъ какъ племенные особенности всего Индоевропейскаго или Арійскаго племени, такъ и, главнымъ образомъ, присущее этой колыбели народовъ преданіе духовнаго единобожія, связывающее эти народы съ народомъ Еврейскимъ. Самое слово *Иранъ* есть, какъ извѣстно намъ теперь, искаженное слово *Аріана*, то есть *страна Аріевъ*. Такимъ образомъ вездѣ, гдѣ слова *Иранъ* и *Иранскій* имѣютъ не одно географическое, но племенное и религіозное значеніе, подъ ними слѣдуетъ разумѣть Арійское племя и его духовныя стихіи. Это несколько не измѣняетъ сущности мыслей автора, но это постоянно нужно имѣть въ виду, дабы не смѣшивать частнаго съ общимъ.

III, 217. Свобода и необходимость составляютъ то тайное начало, около котораго, въ разныхъ образахъ, сосредоточиваются всѣ мысли человѣка. Въ языкѣ религій, переносящей въ невидимое небо законы, которыми управляется видимый міръ земли и его видимый владыка-человѣкъ, свобода выражается твореніемъ, а необходимость — рожденіемъ. Едва ли можно было найти какіе-нибудь символы болѣе вѣрные для олицетворенія этихъ отвлеченныхъ идей. Рожденіе представляетъ самому грубому уму неотъемлемую присущность необходимости, неволи, точно также какъ актъ творенія представляетъ самое живое и ясное свидѣтельство духовной свободы или, лучше сказать, воли (ибо свобода понятіе отрицательное, а воля положительное).

III, 205. Начало стихійное, служеніе чисто-вещественное, пришли съ Юга съ племенами Шивантекими, которыхъ родина Эѳіопія, Шева-Мероэ *). Эта религія была однозначальная, но олицетворенная въ органической полярности и не содержала въ себѣ чуждой примѣси Брахманизма или духовности, которая болѣе или менѣе привилась къ ней въ Индіи и Сиро-Финикіи. Представителями ея были Діонизосъ (Дева-наши), Шива, Озирисъ и проч., какъ мужское начало, и Бгавани, Пзида, Милитта и другія, какъ женское начало. Первобытный ея характеръ — кроткое, но безстыдное повиновеніе всѣмъ вещественнымъ склонностямъ. Развитіе религій было художественное, то есть строительное. Колыбель ея есть колыбель зодчества пещернаго, перенесеннаго изъ тропическаго Еѳіопіи въ Египетъ и Индію, не выдавшіе его младенчества.

IV, 29. Признаніе органической полярности или ея необходимыхъ проявленій за вѣчное начало вѣчносущаго міра разрѣшается для разума въ совершенное безбожіе. Но страсти не повинуются строгому анализу разсудка. Внутренняя жажда богопоклоненія и отголоски прежнихъ религіозныхъ преданій, отверженныхъ, искаженныхъ, но не вполне забытыхъ, облакаютъ съ какою-то простодушною хитростью безутѣшную аналитическую формулу безбожія въ призракъ религій, во всебожіе. Міръ, обращенный въ Бога, получаетъ новосозданную сомкнутую личность и, такъ сказать, подобіе человѣка; въ немъ проявляется двойственность мысли и формы, или разума и вещества. Въ самыхъ

---

*) Путь его обозначенъ именемъ Оивэ (Сива), Диоскорисъ въ Египтѣ, Оивэ въ Греціи, прозвищемъ Вакха Сабейскаго, безпрестаннымъ повтореніемъ слова Саба или Шева, какъ имени мѣстностей по всѣмъ берегамъ Аравіи и повтореніемъ того же слова въ племени Куша, сына Хамова — Сева, Сабтахъ, Себтека и Шеба; названіемъ бога Сива въ Индіи и именемъ Целебскихъ острововъ, которые самые жители зовутъ Сабу или Себу.

нѣдрахъ божественнаго міра, управляемаго стройными законами необходимости, представляется воображенію новое божество, смыслъ всего міра, связанное съ нимъ неразрывными цѣпами, стройно-разумное, воплощенный законъ, воплощенная гармонія. — Это божество, созданное воображеніемъ въ мірѣ чисто-разсудочномъ, этотъ законъ олицетворенный и принявшій положительные очерки, это полное выраженіе вселенной, носили въ себѣ характеръ, наложенный на вселенную первоначальнымъ анализомъ, характеръ внѣшней необходимости, и были совершенно чужды всякой свободы. Религія при такомъ воззрѣніи кажется невозможною. Но такъ же какъ человѣкъ, не смотря на свое заключеніе въ оковахъ, тяготящихся на всей вселенной, можетъ дѣйствовать на видимую природу, измѣнять ея видъ и ея отношенія, давать рѣкамъ новое русло и направленіе и создавать или срывать каменные твердыни, точно такъ же онъ можетъ, вещественными, или по крайней мѣрѣ внѣшними орудіями, подвинуть самый центръ вселенной и посредствомъ законовъ, подмѣченныхъ или угаданныхъ имъ, овладѣть божествомъ, рабомъ-владыкою міра. Вѣра была трансцендентальною физикою. Вотъ смыслъ всѣхъ обрядовъ, заклинаній и всей религіи Кушитской и всего великолѣпія ея храмовъ.

Одновременно и рядомъ съ внѣшнимъ, чисто-вещественнымъ поклоненіемъ Кушитства мы подмѣчаемъ другое.

III, 216. Сфинксъ при храмѣ Египетскомъ и Будда, неразлучный товарищъ Шиваизма въ южномъ Индустанѣ, эти два лица, которыхъ сходство такъ разительно по чертамъ и особенно по характеру физиономій, параллельное движеніе двухъ религій, склонность Шиваизма переходить въ ученіе о таинственномъ ничтожествѣ (таковъ крайній предѣлъ Іогизма) и склонность Буддаизма переходить въ самую грубую вещественность, приводятъ къ предположенію, что Буддаизмъ былъ основаніемъ той тайной мудрости Египта и Эѳіопіи, о которой древніе такъ много говорили, между тѣмъ какъ Шиваизмъ былъ закономъ народа.

III, 213. Буддаизмъ есть плодъ Шиваизма, его изнанка, покой отъ его бурной жизни, неподвижное созерцаніе его беспорядочной и безсмысленной дѣятельности.

III, 229. Такимъ образомъ стихійное служеніе развивалось въ страстномъ и вещественномъ Шиваизмѣ, въ отвлеченномъ и созерцательномъ Буддаизмѣ и переходило всю лѣстницу человѣческихъ заблужденій, отъ служенія руководѣланному фетишу до торжественнаго поклоненія святынь небытія; но вездѣ и во всѣ эпохи сохраняло оно

одну и ту же основную мысль. Жизнь есть необходимость и необходимость, такъ сказать, вышняя духу мыслящему. Но этотъ духъ въ ней закованъ, и ему остается или признать ее безпрекословно и служить ей, или уничтожить себя, чтобы получить свободу. Въ первомъ случаѣ добра нравственнаго нѣтъ, потому что идея добра несовмѣстна съ идеею рабства, а свобода невозможна; въ другомъ нѣтъ добра нравственнаго, потому что свобода духа возможна только въ удаленіи отъ всякаго дѣйствія, ибо дѣйствіе увлекаетъ ее въ міръ необходимости, а свобода, не проявляясь, остается въ области небытія. Таковъ смыслъ Кушитскаго ученія во всемъ его развитіи.

III, 206. Начало духовное, служеніе мысли отвлеченной (не философской, но нравственной) или изъ сѣверо-восточнаго Ирана, котораго центръ Кавказско-Арааратская твердыня. Эта религія была также одноначальною и не содержала въ себѣ никакой примѣси стихійности или полярности органической. Представителями этой религіи были Эль и Вель или Вааль, Гераклъ, Хроносъ или Тифонъ и богъ добра въ Зендавестѣ. Всѣ же эти имена суть ничто иное, какъ прилагательныя, выражающія одно и тоже понятіе. Характеръ религіи духовной есть строгое и гордое отчужденіе отъ вещественности, легко переходящее въ фанатизмъ, но возвышающее и очищающее душу отъ чувственныхъ склонностей. Развигіе ея философское и поэтическое, но не художественное. Страны, гдѣ она процвѣтала, не оставили намъ ни одного древняго памятника, и зодчество процвѣтало только при встрѣчѣ стихій Иранской и Кушитской, но оно принимало характеръ новый и чуждый своему южному началу.

Таковы были двѣ основныя религіи въ своей первобытной чистотѣ. Раздѣленные огромнымъ пространствомъ земли, онѣ въ началѣ развивались самостоятельно и независимо одна отъ другой; но постепенное расселеніе народовъ неминуемо должно было повлечь за собою ихъ соприкосновеніе, а вмѣстѣ съ ними и соприкосновеніе носимыхъ ими религіозныхъ началъ.

III, 190. Двѣ религіи, основанныя на противоположныхъ началахъ, не могутъ слиться въ мирное единство безъ упорной борьбы; но во время борьбы оба враждующія начала искажаются то излишнею напряженностью, то взаимными уступками. Понятно, что чисто духовная вѣра должна смотрѣть на вещественность, какъ на корень всякаго зла; но таково достоинство души человѣческой, что поклонникъ стихій едва ли можетъ принять бога духовнаго за представителя злаго начала. Вѣроятно, такое мнѣніе и не могло бы родиться при здоровомъ развитіи понятій; но разумъ дѣйствуетъ свободно только при удаленіи

отъ страстей, а вражда живетъ на землѣ искони. Чистый образъ божества, который нашелъ бы созвучіе къ душѣ всѣхъ людей, внушалъ отвращеніе и страхъ, потому что онъ казался покровителемъ племени враждебнаго, и ненависть къ людямъ переходила въ ненависть къ предмету ихъ поклоненія.

III, 199. Вражда народовъ искажила первобытную природу ихъ и бросила сѣмена, принесшія слишкомъ богатые плоды по всей землѣ. Религія, совершеннѣйшее отраженіе внутренняго строя или разстройства души, должна была подвергнуться всѣмъ влияніямъ быта политическаго и жизни нравственной. Мысль развивается мирно и кротко, переходя изъ внутренняго созерцанія во внѣшніе образы и обряды; но, при встрѣчѣ мысли чуждой, она прекращаетъ свое творческое движеніе и вступаетъ въ борьбу наступательную или оборонительную, въ которой исчезаютъ мгновенно вся красота и гармонія ея первобытной, свободной дѣятельности. Она увлекается за разумные предѣлы своего законнаго развитія и впадаетъ въ невольную, неизбѣжную односторонность.—Но когда чуждая мысль представлена народомъ враждебнымъ, когда кровавыя распри заклеили всю жизнь и всѣ помыслы людей печатью взаимной ненависти, тогда уже мысли обращаются въ страсти, и одностороннее развитіе души доходить до изступленія кроваваго фанатизма.

Но, помимо столкновенія враждебнаго и даже при такомъ столкновеніи, встрѣчавшіяся разноначальныя религіи неминуемо дѣйствовали одна на другую и взаимно измѣнялись. Такъ совершилось вторженіе Иранской стихіи въ Кушитскую религію Египта; такъ произошли смѣшанныя религіи Сиріи и Финикіи; такъ оба начала, послѣ долгой борьбы, стали рядомъ въ мифологіи древней Индіи, гдѣ къ нимъ присоединилось, примиряя ихъ, поклоненіе Вишну, Богу Вышнему,—первоначальная религія антропоморфизма, рѣдившаяся на Сѣверѣ (въ Бактріи).

IV, 40. Полярность органическая облекалась въ форму челоѡкообразія; но въ этой формѣ, выбранной внутреннимъ чувствомъ, а не разумомъ, прибирающимъ символъ къ мысли съ полнымъ сознаніемъ символизма, смѣшивались (такъ же какъ въ самомъ челоѡкѣ) свободная воля и логическая или вещественная необходимость. Наконецъ, вслѣдствіе челоѡкообразія, мало по малу весь бытъ челоѡческій съ его семейнымъ развитіемъ перешелъ въ ученіе о божествѣ. Такъ родилась и составила полная система антропоморфизма, свѣтлаго и кроткаго, но без-

смысленнаго, и черезъ цѣпь поселеній Вань-Славянскихъ *) перешла въ Европу, гдѣ, при разныхъ обстоятельствахъ и съ разными смѣшеніями, она образовала всѣ религіи Эллады, Италіи и Скандинавіи.

Сліяніе, при посредствѣ Вишнуизма, сѣвернаго и южнаго религіознаго начала въ Индіи повело къ выдѣленію новой религіи.

IV, 173. Вишнуизмъ по своему синкретическому характеру готовъ былъ принимать всякую религіозную стихію и усвоить себѣ всевозможныя міеы. Онъ примирился съ Шиванзмомъ, онъ принялъ въ себя Буддаизмъ въ видѣ аватара (Вишну-Будда). Но не въ духѣ Индіи было оставить неразвитою основу ученія Будданческаго, и не въ духѣ Буддаизма было согласиться на такую унижительную сдѣлку. Въ немъ лежало глубокое логическое понятіе о законѣ необходимости въ мірѣ проявленій; въ немъ жило высокое требованіе души человѣческой на свободу виѣ-мірную и достижимую только посредствомъ самоуничтоженія. Мысль эта и чувство могли заснуть на время при размельчаніи религіозной жизни въ Индустанѣ; исчезнуть вполне они не могли: почва Индустанская была слишкомъ плодотворна, слишкомъ глубоко проникнута силами философскаго стремленія. Въ концѣ втораго тысячелѣтія до Р. Х. въ самомъ центрѣ полуострова возникъ учитель сильный духомъ и внутреннимъ убѣжденіемъ; онъ воскресилъ, пополнилъ и пустилъ въ общій ходъ тайное древнее ученіе жрецовъ Кушитскихъ. Прозваніе его осталось безсмертнымъ и почти однозначачимъ съ именемъ самаго Божества; тысячи учениковъ толпились около великаго учителя; чудныя зданія, носяція на себѣ первобытный характеръ пещернаго поклоненія, засвидѣтельствовали его торжество. Индустанъ жадно принялъ вѣру исполненную духовныхъ страстей и гордаго самоотверженія; и наконецъ, когда послѣ 14-ти-вѣковой борьбы Буддаизмъ былъ изгнанъ изъ странъ При-гангесскихъ, онъ завоевалъ почти треть населенія всего земнаго шара.

Между тѣмъ первоначальное ученіе Ирана все болѣе и болѣе затмнялось въ народныхъ вѣрованіяхъ.

IV, 199. Борьба, долго продолжавшаяся съ перемѣнными успѣхами, кончилась повсемѣстнымъ синкретизмомъ, многобожіемъ и тихою войною искушеній и соблазна. Ученіе Кушитское измѣнилось, отклонив-

---

*) Взглядъ Хомикова на разселеніе Славянъ будетъ изложенъ ниже, при разсказѣ о судьбахъ Славянскаго племени. Здѣсь достаточно сказать, что Хомиковъ признавалъ ими Ванъ равносильнымъ имени Венѣ и присваивалъ его Славянскому племени въ древнѣйшія времена; колыбелью же Славянства считалъ Бактрію.

ише отъ своей первоначальной, строгой логической чистоты; но, созданное разумомъ, оно всегда могло возвратиться къ своему источнику простымъ путемъ отрицанія случайностей символа и мифа. Вѣрованіе Иранское также исказилось; но оно не могло уже возсоздаться, ибо возвратъ къ нему, какъ явный плодъ произвола, не могъ носить ни характера чисто-логическаго, ни истиннаго характера безсомнительной вѣры. Побѣда была на сторонѣ Кушитовъ.

III, 327—8. Но, не смотря на неизбежное торжество ученія Кушитскаго и на постепенное паденіе Иранства, чувство нравственное никогда не могло утратить свои права на человѣческую душу, и во всѣхъ народахъ возставали богоизбранные люди, повременно призывавшіе своихъ братьевъ къ сознанію коренной свободы и протекающаго изъ нея понятія о добрѣ. Отъ ихъ появленія зависѣли эпохи реформъ религіозныхъ, которыя замѣтны въ исторіи вѣрованій, намъ извѣстныхъ, и которыя всегда были возвратомъ къ лучшему началу. Большинство съ своею грубо-инстинктивною логикою, съ своими грубо-вещественными страстями постоянно стремилось къ Кушитству; лучшие умы чувствовали призваніе высшее, на время возстановляли достоинство человѣческое, постоянно забываемое народными толпами. Таковъ былъ Шахъ-Муни въ Индустанѣ, таковъ былъ Зердуштъ*) въ Мидо-Бактрійской области. Но успія человѣка могутъ возстановить только логическую и мертвую формальность понятія религіознаго. Убѣжденіе человѣка пробуждаетъ въ другихъ людяхъ только мысли, безмолвно жившія въ ихъ душѣ; формальность же понятія всегда сохраняетъ характеръ ограниченности и утѣшительности. Убѣжденіе, основанное на сочувствіи съ чужою мыслию, носитъ болѣе или менѣе клеймо произвола и сопровождается скрытымъ, но неотвѣзнымъ сомнѣніемъ. Ни въ утѣшительности, ни въ убѣжденіи, основанномъ на немъ, нѣтъ ни полноты, ни жизни. Вѣра и полнота жизни религіозной неразлучны съ преданіемъ, обнимающимъ въ единствѣ своемъ мысль и бытъ, чувство и умозрѣніе. Человѣкъ не можетъ создать преданіе, и реформа, даже исправляя прежнее ученіе, суживаетъ кругъ дѣятельности духовной и разрушаетъ цѣлость и единство внутренняго и наружнаго быта.

IV, 200. Въ одной области, въ одномъ народѣ, возникшемъ на исторической памяти изъ семьи, оставившей свою При-араратскую родину, сохранилось вполнѣ Иранское преданіе, великое достоинство младенчества человѣческаго. Это преданіе получило еще высшее зна-

*) Вѣрнѣе Заратустра, по Греческому искаженію Зороастръ.

ченіє по самой боротьбѣ своей съ чуждыми ученіями, съ насиліємъ и соблазномъ. Не измѣняясь въ своей основѣ, оно приняло характеръ вѣры, сознающей себя, чувствующей свое духовное превосходство и презирающей всѣ другія ученія, какъ произведенія уметствующаго произвола или безумныхъ страстей. Могло ли оно исчезнуть? Несказанныя бѣдствія постигли область Іудейскую, народъ ея былъ увлеченъ въ плѣнь, столица и царство стерты съ лица земли; но мысль нашла себѣ спасителей и союзниковъ въ сильномъ и свѣжемъ племени средняго Ирана, въ племени, сохранившемъ общее преданіе въ наибольшей чистотѣ послѣ Израіля.

Таково было состояніе человѣческихъ вѣрованій въ то время, когда древнія государства Востока обветшали, и историческая жизнь сосредоточилась на берегахъ Средиземнаго моря.

IV, 252. Сліяніе сказочнаго человѣкообразія съ вещественно-художественнымъ символизмомъ составило основу Греческой религіи. Изъ нихъ возникла безобразная смѣсь, смѣшная въ глазахъ разума, безсильная въ смыслѣ религіозномъ. Но съ другой стороны соединеніе стихій сказочной, человѣческой и словесной съ пробужденнымъ чувствомъ художественной гармоніи составило цѣлый новый міръ, въ которомъ сказка возвысилась до поэмы и образъ человѣческій до своего идеала. Такимъ образомъ возникла новая религія, видимое многобожіе, въ которомъ царствовало дѣйствительно одно божество: красота въ ея высшемъ проявленіи, въ красотѣ человѣческой. Эллінь преклонилъ колѣна передъ самимъ собою и передъ своими возможными совершенствами, какія бы они ни были, даръ ли случая, какъ случайность членовъ, сила, долговѣчность и разумъ, или пріобрѣтенія воли, какъ свобода, власть и богатство. Поставивъ себѣ религію чисто-земную и чуждую всякаго выснаго всемірнаго смысла, онъ самъ сталъ въ отношеніи къ ней, какъ лицо дѣйствующее, а не страдательное; ибо все вообще исчезло передъ личностью, и силы человѣческія напряглись въ стремленіи къ достиженію человѣческаго идеала. Искусство возникло въ чудной полнотѣ, въ недосыгаемомъ совершенствѣ и въ неограниченномъ объемѣ, соединяющемъ пластическое начало Кунита съ словеснымъ началомъ Ирана. Въ Элладѣ, и только въ Элладѣ, получило оно свою независимость отъ мысли и жизни образа, прилагаемаго ко всякому содержанію, слѣдовательно свободную отъ всякаго содержанія. Пріобрѣтеніе Эллина сдѣлалось достояніемъ цѣлаго человѣчества.

Еще менѣе опредѣленнаго религіознаго содержанія было въ Римѣ.

IV, 377. Безпорядочный и безпредѣльный синкретизмъ создалъ для него какую-то неопредѣленную систему вѣрованія, равно чуждую началу Иранскому и началу Кушитскому. Въ немъ не только, какъ въ Греческой мѣологіи, не было никакого общаго начала, но не было даже постояннаго челоѡкообразія. За всемъ тѣмъ глубокая вѣра въ нравственное достоинство искупала пороки религіознаго безмыслія и замѣняла съ избыткомъ отсутствіе идеальной красоты, которой поклонялся Эллинь. Впрочемъ смѣшеніе многихъ разныхъ мѣологій имѣло въ Римѣ тоже самое послѣдствіе какъ и вездѣ: торжество Кушитскаго начала необходимости, возвышеніе вещественнаго обряда надъ внутреннимъ, духовнымъ богопоклоненіемъ и обращеніе молитвы въ заклинаніе.

III, 252—3. Обѣ противоположныя религіи, необходимости и свободы, сливаясь мало по малу, измѣнялись взаимными уступками и теряли свою рѣзкую фیزیономію. Органическая полярность казалась неудовлетворительною и недостойною разума челоѡческаго. Мнѣическій ея символъ, рожденіе, годный для младенчествуящаго ума, былъ вытѣсненъ изъ вѣрованія просвѣщеннаго. Съ другой стороны, смѣлый догматъ творенія, основанный на коренной идеѣ свободы, не могъ удержаться при синкретизмѣ; свобода не имѣетъ проявленія, ибо законъ проявленнаго есть необходимость. Вѣра могла принимать свободную волю творящаго духа за основу всего; но вѣра простодушная, основанная на твердости преданія или на искренности сознанія внутренняго, исчезаетъ при нелѣпомъ сбродѣ разноначальныхъ повѣрій, также какъ и въ логическомъ построеніи отвлеченностей. Всеобъемлющее требованіе ея не подается на условныя сдѣлки; творческая безусловность ея не возсозидается систематическимъ умствованіемъ. Между грубовещественнымъ началомъ Кушитскимъ и самостоятельною духовностью Иранства изобрѣтена была средняя система, система эманаций, что-то неопредѣленное и безхарактерное, принимающее всякій смыслъ по желанію толкователя, не имѣющее никакого присущаго и яснаго значенія, кромѣ значенія логической послѣдовательности, то есть необходимаго и постепеннаго развитія. Эманация есть тоже рожденіе, но съ полярностью скрытою. Въ ней было торжество начала Кушитскаго, въ формѣ нѣсколько просвѣщенной. Допущеніе нравственнаго начала при эманационной системѣ было безсмыслицею; ибо зло истекало изъ общаго источника бытія, такъ же какъ и добро, слѣдовательно, одинаково съ добромъ первобытно присутствовало въ этомъ источникѣ.—До появленія въ мірѣ новаго великаго ученія, передъ которымъ исчезли или исчезаютъ все древнія вѣрованія, эманации были послѣднею сте-

пению умственного развитія. Буддаизмъ, Брахманство, Шиваизмъ Египетскій, Ваализмъ Финикійскій, Зороастровъ Миѳранизмъ, наконецъ даже челоѳкообразная религія Эллино - Римская, всё сливались и исчезали въ общей системѣ истеченія. Древняя Ассирія въ своихъ Триадахъ, изліяніяхъ первоначальнаго Вѣла, Гностики въ своихъ Эонахъ, Нео-Платонники въ своемъ философическомъ умозрѣніи о само-бытныхъ идеяхъ, принадлежали къ одной и той же всемірной школѣ.

Ослабленіе религіозной жизни не замедлило отразиться на жизни умственной.

IV, 254. Вѣра есть крайній предѣлъ челоѳческаго знанія, въ какомъ бы видѣ она ни являлась: она опредѣляетъ собою всю область мысли. Страны, въ которыхъ развитіе религіозной мысли достигло высшей степени, не могли допускать полной свободы философіи, ибо философія объясняла міръ видимый и невидимый только въ тѣхъ границахъ, которыя были предписаны ей знаніемъ религіознымъ. Въ землѣ чисто-Иранскаго преданія—Иудеѣ и въ области мало искаженнаго преданія, среднемъ Иранѣ, философія должна была оставаться на самой низшей степени. Въ земляхъ коренного Кушитства философская вѣра въ необходимость и ея полярную двойственность приняла основу логическую и способную къ логическому развитію; но въ этомъ принятіи законовъ видимаго міра за всеобщій законъ проявлялся уже произволъ, положившій оковы на всю будущую умственную жизнь. Преобладаніе чисто-вещественнаго начала, сковавшаго все духовное бытіе народовъ Кушитскихъ, должно было навсегда стѣснить развитіе чистой и свободной философіи. Племена, посвятившія все свое существованіе борьбѣ съ веществомъ и поклоненію его законамъ, осудили себя на вѣчное безмолвіе. Въ позднѣйшее время, когда Эллада дала Египту свободу мысли, изъ него могли только возникнуть Гностическія секты, бесполезно трудившіяся надъ прививкою философіи къ кореннымъ основамъ южнаго вѣрованія и терявшіяся въ темной мистикѣ произвольно создаваемыхъ эманационныхъ системъ. Буддаизмъ, основанный на началѣ неопредѣленномъ, на возмущеніи нравственнаго чувства свободы противъ неоспоримой необходимости, былъ также мало способенъ къ освобожденію челоѳческаго разума, какъ и самый Шиваизмъ, съ которымъ онъ находится въ неразрывной связи прямого отрицанія, принимая его же логическія оковы. Многомысленный Индустанъ, страна величайшаго умственного напряженія, обняла почти всю область философскихъ ученій отъ высочайшей и отвлеченнѣйшей духовности до самой грубой вещественности: нѣтъ ни одной системы, высказанной Элладой или развитой Германією, которая бы не являлась почти во всей своей

полнотѣ въ твореніяхъ великаго племени При-Гангескаго. Но такъ же какъ стремленіе искони философствующаго ума не позволило художественному чувству и сказочной словесности слиться въ одинъ цѣльный и стройный міръ искусства, такъ привычки духа, жившаго нѣкогда въ свѣтлой области безусловнаго и высокаго вѣрованія, стѣснили полную свободу философін и подчиняли ее искони принятымъ началамъ, отъ которыхъ она никогда не могла отрѣшиться, даже когда отрицала ихъ. Идея Брахмы жила надъ міромъ философін Индустанской, въ какой бы формѣ онъ ни являлся, свободно-творящаго духа или всебожественнаго пантеистическаго символа, даже при допущеніи міра, какъ безконечной гармоніи чисто-вещественныхъ законовъ. Китай, возвысившій государство до значенія божества и не поклонявшійся ничему, кромѣ идеала общества логически развивавшагося изъ нравственныхъ законовъ, долженъ былъ дать философін область ограниченную, но въ то же время возвысить мыслителей до степени религіозныхъ законодателей; ибо имъ предоставлено было уяснить тотъ идеалъ, который былъ неяснымъ кумиромъ всякаго Китайца. Конгъ-фу-Тсеу выразилъ всю сокровенную мысль Китая, и его творенія, принадлежація философін только по характеру изложенія, по содержанію принадлежать вполне міру религій. Эллины поставяли божествомъ человека со всемію его произволомъ, со всемію его случайностями. Весь міръ долженъ былъ для него представлять то самое сліяніе случайности и произвола. Такова основа чисто-Эллинскихъ системъ, которыя болѣе или менѣе представляютъ признаки атомистической вещественности. Но голосъ Востока пробуждалъ другіе лучшіе и благороднѣйшіе pomysлы: онъ звалъ человека къ сознанію его высокой духовности и познанію высшаго духа, свободнаго отъ земныхъ случайностей. Эллада слушала и свѣтлѣла мыслию. Она не могла уже возвыситься до новой, чистой вѣры, но отрывалась отъ стараго вѣрованія или по крайней мѣрѣ отъ его грубыхъ образовъ. Долго боролся свѣтъ восточнаго ученія съ мракомъ Эллинской души, огрубѣвшей въ безмысленной своей религій. Долго бродили въ нестройномъ хаосѣ пробужденныя стихіи мысли, стремясь къ примиренію въ полномъ разгулѣ ничѣмъ не скованной свободы.

Исторія въ первыхъ философскихъ системахъ Греціи еще не видитъ произведенія самой Эллады, но только воспріятіе чуждыхъ стихій.

Изученіе самаго человека и его умственныхъ способностей обозначаетъ уже проявленіе чисто-Эллинской стихіи въ философін; съ нимъ вмѣстѣ проявилось сомнѣніе во всемъ, что не вполне доступно разуму человѣческому, возведеніе случайности въ достоинство силы первона-

чальной (т. е. поклоненіе факту, какъ факту, безъ вѣры въ какое бы то ни было объясненіе) и, наконецъ, безбожіе полное, рѣзкое, грубое и при всемъ томъ имѣющее законныя права не только на оправданіе, но и на сочувствіе всѣхъ мыслителей, ибо содержало отрицаніе религіи безсмысленной и нестерпимой для просвѣщеннаго ума.

Такимъ образомъ первыя чисто-Эллинскія ученія повидимому вырываются изъ области вѣрованія; но это освобожденіе мнимое, а не дѣйствительное. Философія отрицаетъ Зевса и всю Олимпійскую братію; но она отрицаетъ только признаки Эллинскаго божества и продолжаетъ поклоняться истинному божеству Эллады—человѣку; она признаетъ права случайности, потому что эти права были дѣйствительно освящены прежнею религіею; наконецъ, она возвышаетъ и напругаетъ гордость человѣка, перенося ее только изъ области физическаго превосходства въ область умственной силы. Изъ мыслительныхъ школъ выходятъ смѣлые бойцы, удалцы слова, софисты, какъ атлеты изъ школъ гимнастическихъ. Какъ атлеты, переходятъ они изъ города въ городъ, собирая дань удивленія народнаго, вѣщаясь Олимпійскими вѣнцами, щеголяя новозобрѣтеннымъ силлогизмомъ, какъ герои Пентакела или борьбы щеголяли новою уловкою или кулачнымъ ударомъ. Стихія мысли бродили, повинуюсь уже мѣстному закону: въ немъ должны онѣ были найти свое примиреніе.

Человѣкъ былъ, какъ сказано, истиннымъ божествомъ Эллады. Но божественность его состояла въ красотѣ, которой онъ былъ высшимъ представителемъ. Въ этомъ-то Эллинскомъ законѣ, въ этомъ характерѣ религіи заключалось разрѣшеніе философской задачи. Смолода художникъ, насытившійся всѣми обаяніями искусства, въ возрастѣ мужества гражданинъ, служившій обществу на полѣ битвы подъ Эллинскимъ вдохновеніемъ свободы и славы, Сократъ подчинилъ хаосъ философіи закону стройности и гармоніи. Красота явилась царицею міра духовнаго (τὸ καλὸν), какъ она была божествомъ видимаго міра. Софисты исчезли. Образованная Эллада привѣтствовала мудрость, нисшедшую съ неба.

Сократъ совершалъ великій подвигъ, котораго путь былъ ему указанъ религіею; но въ тоже время онъ уничтожалъ образы этой религіи въ ихъ безсмысленной случайности. Народъ, увѣщавшій его земное поприще вѣнцемъ мученической смерти, осудилъ его, какъ безбожника, и былъ правъ въ своемъ судѣ; но правъ по своему невѣжеству, ибо самъ не зналъ, какому божеству поклонялся. Онъ былъ правъ и потому, что просвѣтлѣніе религіи, отрывая ее отъ преданія, предавало произволу мысли; и судіи, нѣжась въ тупомъ спокойствіи глупыхъ вѣрованій, предчувствовали всѣ духовныя страданія своихъ

потомковъ, которыхъ философія лишала вѣры и боговъ. Величественная трагедія совершилась. Сократъ выпилъ чашу яда и сказалъ, что выдоравливается отъ жизни (Критіасъ, принеси жертву Эскулапу); но боги Олимпа исчезли навсегда, разрѣшившись въ свои отвлеченные законы.

Начатое Сократомъ продолжается его вдохновеннымъ ученикомъ. Для Платона уже не существуютъ образы, созданные младенческою фантазіею Эллады. Въ невидимомъ небѣ онъ видитъ уже полное и совершенное отраженіе чудной гармоніи, которую слышитъ въ своей душѣ, и божество открывается передъ нимъ, какъ первообразъ духовной красоты. Никогда не подымался выше полетъ ума человѣческаго; никогда не являлось такого великолѣпнаго соединенія самаго роскошнаго воображенія, всепроникающаго разума и художественнаго чувства, просвѣтленнаго нравственными стремленіями. Эллада, расцвѣтшая въ Гомерѣ, принесла свой зрѣлый плодъ въ Платонѣ.

Но Сократовъ ученикъ черпалъ свое духовное богатство не изъ однихъ наставленій учителя. Недаромъ слышалъ онъ великое имя Заратустра и имя чистаго божества, которому онъ поклонялся, не даромъ доходили до него отзвуки ученія свѣтлаго Востока. Часто, отдѣляясь отъ пути философскаго, созидаетъ онъ начала новой религіи, которой произвольныя основы скрываются подъ человѣческою истинною вдохновеннаго искусства; часто угадываетъ онъ лучшее будущее духовнаго развитія и какъ будто оглядывается на весь міръ, прося преданія и исторической опоры для своего ясновидящаго гаданія. Но міръ ему извѣстный не давалъ отвѣта. Въ этомъ слабость его философіи и невозможность вызвать Элладу къ плодотворнѣйшей жизни. Другой вѣкъ, другое просвѣщеніе болѣе сочувствовали Платону, чѣмъ страна, создавшая его гармоническую душу.

Красота и истина неразлучны. Всякій произволъ содержитъ уже въ себѣ признаки безсилія и начала безобразія. Истина должна быть необходима и представлять явное доказательство своей необходимости. Аристотель повелъ далѣе философію въ ея разумномъ или разсудочномъ развитіи, утративъ богатство свободныхъ Платоновыхъ гаданій, но не удаляясь отъ служенія красотѣ и подчиняя весь кругъ человѣческихъ наукъ ея торжественнымъ законамъ. Таковъ крайній предѣлъ Эллинской философіи. Дальнѣйшее раздѣленіе школъ, Діогенъ, ищущій человѣка, Эпикуръ, поклоняющійся высшему благу въ видѣ гармоническаго наслажденія бытіемъ, Зенонъ, возвышающій гордость человѣка до восторженнаго поклоненія своему внутреннему совершенству, и всѣ затѣйливыя подробности позднѣйшихъ ученій заключены уже въ гениальной школѣ Сократа и его первыхъ учениковъ. Духовный подвигъ Элады былъ совершенъ.

IV, 340. Въ Элладѣ идеаль чловѣческій, облагораживаясь мало-по-малу и въ тоже время отвлекаясь отъ всѣхъ случайностей и отыскивая себѣ разумной (т. е. разсудочно-вѣрной) опоры, дошелъ до идеала чисто-логическаго и сосредоточился въ одномъ, въ красотѣ знанія—истинѣ. Въ Римѣ идеаль сохранилъ свою отвлеченность и остался себѣ вѣрнымъ въ отвлеченной красотѣ воли—добродѣтели.

IV, 406. Римъ далъ западному міру новую религію, религію общественнаго договора, возведеннаго въ степень безусловной святыни, не требующей никакого утвержденія извнѣ, религію прѣва; и передъ этою новою святынею, лишенною всякихъ высокихъ требованій, но обезпечивающею вещественный бытъ во всѣхъ его развитіяхъ, смирился міръ, утратившій всякую другую, благороднѣйшую или лучшую вѣру.

IV, 410. Древнее ученіе Ирана сохранялось въ одномъ Израилѣ въ формѣ твердаго преданія, не отвергающаго требованій разума, но не требующаго себѣ основаній добытыхъ логическимъ анализомъ. Побѣдная борьба противъ притязаній Элліанскихъ во время великихъ Маккавеевъ внушила Евреямъ глубокую ненависть противъ иноплеменнаго просвѣщенія и усилила въ нихъ гордость мѣстнаго и племеннаго начала, естественное послѣдствіе Моисеева закона и явнаго превосходства религіознаго передъ всѣми другими народами. Но мало-по-малу память о борьбѣ стала изглаживаться. Чувство внутренней духовной силы, обѣщанія Мессіаническія, очевидная слабость всѣхъ Элліанскихъ (грубо-синкретическихъ) вѣрованій и преданія о скоромъ приходѣ Вождя - Спасителя открыли для Евреевъ новый кругъ дѣятельности и надежды. Историческая судьба Іудеи, перевороты внутренніе и завоеванія Элліно-Римскаго міра разсѣяли потомковъ Іакова по всему земному шару. Греція и Римъ, Африка, Малая Азія, Сирія и даже страны за-Евфратскія были наполнены Іудеями, торговцами или плѣнными, получившими ослѣдность. Ихъ многочисленныя колоніи были охотно приняты и уважены въ Египтѣ; Александрія была въ продолженіе долгаго времени городомъ болѣе Іудейскимъ, чѣмъ Египетскимъ или даже Эллінскимъ. Религія Еврейская была почти вездѣ терпима; она пользовалась особеннымъ почтеніемъ на берегахъ Нила, сильнымъ покровительствомъ въ Римѣ подъ правленіемъ великаго Кесаря, вѣроятно понявшаго (также какъ и питомецъ Аристотеля) достоинство духовной вѣры, завѣщанной первобытнымъ міромъ Иранскимъ и скрѣпленной Моисеемъ въ неизмѣнный обрядъ. Евреи познакомились съ мыслию Эллина, съ его образованностію, съ трудами ума чловѣческаго,

смѣло отыскивавшего истину посредствомъ собственныхъ силъ; они узнали съ уваженіемъ вѣковой подвигъ философіи, ея разнообразныя ученія и особенно высокія гаданія Платона, отзывающіяся роднымъ Востокомъ. Душа ихъ расширилась и стала доступна любви къ человечеству. Но окружающій міръ былъ духовно-слабъ, а въ себѣ чувствовали они неистощимую силу и свѣжестъ вѣчно-молодого убѣжденія. Они поняли возможность мысленнаго завоеванія, темно обозначеннаго въ писаніяхъ пророковъ, и стали проповѣдывать язычникамъ. Проповѣдь была не безуспѣшна; многіе язычники, утомленные тщетнымъ исканіемъ истины, презиравшіе заклинательные обряды религій несоединенныхъ съ вѣрою, и увлеченные величіемъ духовнаго ученія, приняли законъ Моисеевъ, иные вполнѣ, какъ ученики правды, т. е. послѣдователи строгаго закона, большая же часть какъ ученики привратные, т. е. какъ послѣдователи закона Ноева или Мозаизма безъ его обрядовъ.

Но ученіе Ирана содержало въ себѣ обѣщаніе будущаго Мессіи, находило въ немъ свою главную силу и черезъ него пробуждало сочувствіе во всѣхъ народахъ, болѣе или менѣе сохранившихъ или помнящихъ это общее преданіе первобытнаго племени. Покуда обѣщаніе признавалось еще неисполненнымъ, самый кругъ ученія содержалъ въ себѣ признанную неполноту и неудовлетворительность.

Міръ не могъ покориться.

Римская держава сомкнулась въ одно цѣлое подъ правленіемъ Августа. Торжество грубо-политическаго начала обозначило окончаніе мысленнаго подвига, совершеннаго всеобъемлющимъ умомъ Иранскаго племени въ его полномъ развитіи, и этотъ подвигъ вѣнчался совершеннымъ сокрушеніемъ всѣхъ древнихъ религій. Пытливость Эллинскаго знанія нанесла смертельный ударъ безусловному поклоненію внѣшней правдѣ, въ которомъ дѣйствительно состояло все вѣрованіе Рима. Анализъ требовалъ отчета отъ всякаго мнѣнія, оправданія для всякой вѣры. Идеаль добродѣтели внѣшней, воли самосоздающей себѣ законъ, исчезалъ передъ логическимъ требованіемъ. Упорный Римлянинъ потребовалъ уму оправданія отъ самой жизни, отъ своей вооруженной руки. Судьба въ холмахъ Филиппійскихъ отвѣчала также отрицательно, какъ разумъ въ философскомъ уединеніи. Гордость воли пала. Міръ Римскій сказалъ устами Брута: «Добродѣтель, ты пустое слово». Но и пытливое знаніе уже утратило свои надежды. Эллада спросила устами Пилата: «Что такое истина?» и не стала дожидаться отвѣта, зная по опыту вѣковъ, что отвѣта нѣтъ. Горькое отчаяніе слышно въ словѣ Римлянина, утратившаго вѣру въ добродѣтель; какая-то самодовольная гордость слышна въ словѣ Эллина, пріобрѣт-

шаго разумомъ право не вѣрить знанію и добродушно презирающаго тѣхъ, которые еще могутъ вѣрить. Но оба сошлись въ одномъ выводѣ: нѣтъ ни красоты воли—добродѣтели, ни красоты знанія—истины.

Мірѣ остался безъ божества.

Въ это время явился въ Іудеѣ человѣкъ именемъ Іисусъ, говорящій про себя, что онъ обѣщанный Мессія, Сынь Божій, возвыщающій совершеніе древняго закона, призывающій къ покаянію, къ жизни духовной чистоты, ставящій новый законъ совершенства, законъ всеобщей любви, пренебрегающій благами земными и властію землею, обѣщающій своимъ послѣдователямъ наслѣдство безконечнаго блаженства, проповѣдующій новое ученіе объ единствѣ Божества въ трехъ образахъ Отца, Сына и Духа и возможность для человѣка вступить въ это единство посредствомъ отверженія своей злой и случайной личности и пріобрѣтенія новой, высшей личности въ Божествѣ. Первую проповѣдь обращать онъ къ Евреямъ, какъ къ хранителямъ истины и какъ къ единому народу, знающему Бога; но въ то же время порицать ихъ родовую гордость, ихъ упованіе на свое достоинство сыновъ Авраама, ихъ тѣсную и небратолюбивую народность и униженіе вѣры до безсмысленнаго обряда. Онъ грозилъ имъ отверженіемъ за упорство и перенесеніемъ благословенія на другіе народы и, говоря постоянно въ притчахъ, нерѣдко выбиралъ иноплемениковъ, и особенно ненавистныхъ Евреямъ Самарянъ, въ примѣръ добродѣтелей угодныхъ Богу. Многіе ему повѣрили, особенно изъ низшаго сословія. Богатые, ученые, жрецы и вожди народа, любящіе блескъ, славу и власть земную, сперва глядѣли на него съ презрѣніемъ, потомъ съ ненавистью, когда увидѣли успѣхъ его проповѣди, и наконецъ предали его позорной казни креста. Послѣ его смерти ученики его, изъ которыхъ главные были малограмотные рыбаки, продолжали распространять его ученіе сперва въ Іудеѣ и въ колоніяхъ Еврейскихъ, потомъ въ народахъ иновѣрческихъ и вездѣ, гдѣ находили охотныхъ слушателей. Много страдали они, много терпѣли презрѣнія и преслѣдованій, но не слабѣли духомъ и ревностію, проповѣдуя слово о пришедшемъ Мессіи-Спасителѣ. Новая вѣра окрѣпла, новыя законы стали управлять судьбою міра, и народы, принявшіе проповѣдь Іудейскихъ рыбаковъ, сдѣлались властителями всего земнаго шара и вождями человѣчества въ путяхъ мысли и просвѣщенія.

Исторія не судить объ отвлеченномъ достоинствѣ ученія, но разсматриваетъ всякое ученіе въ отношеніи къ его необходимому или разумному развитію. Поэтому она должна признать въ Христіанствѣ не только торжество ученія древне-Ирапскаго (основавшаго на предавіи), но еще и окончательное его развитіе. Христіанство, замыкая

собою міръ поклоненія свободно-творящему духу и Мессіаническихъ обѣщаній, разрѣшило всѣ надежды человѣчества единымъ разумнымъ разрѣшеніемъ, отвлекая ихъ отъ всего случайнаго и не-необходимаго. Таковъ смыслъ ученія и самой жизни Іисуса: они вполне независимы отъ случайностей историческихъ и отъ личнаго произвола.

Завѣтъ Іудейскаго, теперь всемірнаго, Учителя немногосложенъ: онъ заключается въ нѣсколькихъ положеніяхъ, не связанныхъ ни съ какою мѣстностью, ни съ какими внѣшними условіями. Человѣкъ такъ подобенъ Богу въ смыслѣ духовномъ, что Богъ могъ быть человѣкомъ. Такимъ образомъ высшій духъ имѣетъ въ себѣ внутреннее оправданіе своего величія, и человѣкъ получаетъ внутреннюю возможность безконечнаго совершенства. Человѣчество освобождается отъ рабства міровыхъ случайностей и отъ жизненной тяготы собственной силою олицетвореннаго совершенства человѣческаго, и человѣкъ вступаетъ въ нѣдра Божества посредствомъ добровольнаго соединенія любви съ человѣкомъ духовно-совершеннымъ, т. е. посредствомъ преданія своей частной воли въ волю человѣко-божественную. Въ этомъ все его освобожденіе, вся его высота, вся его награда.

Міръ ученія Кушитскаго остался неприкосновеннымъ, но онъ заключился въ логику философскихъ школъ. Міръ ученія Иранскаго получилъ свой вѣнецъ въ Христіанствѣ и уже внѣ его не имѣетъ никакого смысла. Онъ весь связанъ съ идеею единаго разумнаго Мессіи. Іудеи, ожидающіе другаго, полнаго блеска и силы, облеченнаго въ пышность власти, знанія, безсмертія и всей торжествующей случайности, отрицаютъ безсознательно самую идею Мессіанскаго преданія и поэтому уже не имѣютъ никакого значенія въ историческомъ мірѣ.

Другой народъ, по преданіямъ Еврейскимъ и отчасти своимъ, братъ Израиля по крови, но менѣе чистый въ смыслѣ семейномъ или въ началѣ духовномъ, Измаэлиты и Есавляне, народъ безспорно сохранявшій память объ общемъ ученіи и потомъ много принявшій духовныхъ началъ отъ Евреевъ, представилъ своего Мессію нѣсколько вѣковъ послѣ народа Израильскаго. Явленіе Мугаммеда есть безспорно одно изъ самыхъ важныхъ происшествій историческихъ; но воинственный проповѣдникъ Аравіи погружаетъ снова человѣчество во все безсмысліе случайности, и эта случайность безъисходна, ибо она обнищаетъ всю загробную будущность.

Мугаммедъ явился выразителемъ броженія, долго подготовлявшагося въ Аравійскомъ племени, неудовлетворенномъ ни Христіанствомъ, которое дошло до него въ своемъ Несторіанскомъ искаженіи, ни потерявшимъ смыслъ послѣ пришествія Христа Еврействомъ, ни тѣмъ менѣе остатками идолопоклонства, съ которыми не могло примириться

еще жившее въ этомъ племени первоначальное Иранское преданіе единобожія.

IV, 581. Дивная прелесть увлекательнаго краснорѣчія, поэтическое слово и поэтическая вѣра въ свое призваніе, смѣлость духа, не слабящаго въ опасностяхъ, и дальновидность въ расчетахъ доставили скоро Мугаммеду многочисленныя толпы поклонниковъ. Его ученіе было возвеличеніе жизни народной, его гордость была гордость народная, дотолѣ оскорбленная исключительными притязаніями Израиля; его торжество должно было быть торжествомъ народнымъ. Изъ всѣхъ концовъ Аравіи толпились дружины около новаго вождя, и вождь этотъ велъ ихъ къ войнѣ и почти всегда къ побѣдѣ и отдавалъ имъ весь плодъ своихъ побѣдъ, удерживая за собою только славу святости и вдохновенія. Скоро покорилась вся Аравія, и престарѣлый учитель передъ смертію своею уже указывалъ вооруженнымъ толпамъ своихъ учениковъ на столицу Персіи и на городъ Константинополь, какъ на цѣль ихъ будущихъ завоеваній.

IV, 583. Исламъ явился у Измаэлитовъ съ тѣмъ же значеніемъ, какъ Христіанство у Израиля: подобно Христіанству онъ истекалъ изъ начала Иранскаго, изъ преданія о свободно-творящемъ духѣ и о Мессіи, обѣщанномъ міру. Въ немъ выражались и братство двухъ колѣнъ Авраамидовъ, и ихъ древнее соперничество. Связь его съ преданіемъ казалась даже тѣснѣе, чѣмъ связь Христіанства, и по этому самому понятно, отчего Коранъ былъ принятъ безъ исключенія всѣми семьями Аравійскими, а ученіе Апостоловъ отвергнуто большинствомъ Евреевъ. Но дѣйствительно Христіанство содержало въ себѣ окончательное развитіе началъ, заключенныхъ въ преданіи, именно возвращеніе свободы духовной посредствомъ отреченія человѣка отъ своей ограниченной личности и приобрѣтенія новой высшей личности въ совершенномъ человѣкѣ-Мессіи, между тѣмъ какъ Исламъ былъ ничто иное, какъ произвольная реформа, внесенная въ преданіе безъ всякаго развитія его началъ. Бездна, раздѣляющая человѣка и Бога (духа созданнаго и его первобыта) удерживалась навсегда; строгость законная (разумная въ Еврействѣ, какъ въ религіи ожидающей и признающей себя за несовершенную) каменѣла въ религіи, признающей себя за совершенную и не освобождающей отъ закона; самыя обѣщанія загробнаго блаженства были заклеены безконечною прихотью случайности, и духовная природа человѣка была навсегда заключена въ цѣпи нескончаемаго рабства. Такимъ образомъ возможность развитія человѣческаго, данная ученіемъ, возникшимъ въ Іудеѣ, была уничто-

жена въ Исламизмъ, и будущая побѣда Христіанства обуславливалась уже самыми первыми началами вѣрованій, назначенныхъ на вѣковую борьбу. Съ другой стороны ученіе Мугаммеда содержало въ себѣ причины временнаго, но блистательнаго торжества. Глубокое значеніе моноотеистическаго преданія соединялось въ немъ съ роскошью воображенія вещественной поэзіи; высокія нравственныя побужденія мирились съ страстями человѣческими, съ любовію къ чувственному наслажденію и воинской славѣ; ученіе было просто и доступно темному невѣжеству, чѣмъ Христіанство, котораго полный смыслъ былъ ясенъ только для немногихъ мыслителей (какъ видно изъ хода и развитія ересей); всѣ учрежденія были вполне согласны съ бытомъ и характеромъ народовъ юго-западной Азіи и сѣверной Африки; наконецъ, и это всего важнѣе, въ Исламъ идея религіозная заключала въ себѣ не только освященіе стремленій завоевательныхъ, но и обязанность завоеваній, и весь народъ вѣрующій былъ обращенъ въ постоянную и восторженную дружину. Съ Мугаммедомъ началась религіозная война, одно изъ важнѣйшихъ и едва ли не самыхъ ужасныхъ явленій въ исторіи, отвратительный обманъ, прикрывающій безчеловѣчіе войны личною высоко-человѣческаго чувства, братолюбія и любви къ божественной истинѣ, обманъ особенно увлекательный для благороднѣйшихъ дунъ и между тѣмъ уничтожающій въ самомъ корнѣ сознаніе различія между нравственнымъ добромъ и зломъ. Исламъ былъ отечествомъ для Магометанъ, и это духовное отечество признавало въ себѣ всѣ права государства и право высшее—сдѣлаться государствомъ всемірнымъ. Такое новое, такое грозное явленіе не могло не потрясти всего міра.

IV, 585. Были во многихъ странахъ раздоры и войны, причиненныя разницею вѣрованій (напр. въ Индіи), но это еще не религіозная война въ ея полномъ значеніи. Израиль при вступленіи въ землю Ханаанскую и Иранъ при домѣ Кеанидовъ въ своихъ военныхъ подвигахъ признають себя народами святыми; но Израиль ищетъ простора для поселенія, Иранъ отбивается отъ непріятеля или завоевываетъ въ качествѣ государства, а не вѣры. Это все еще не религіозныя войны. Въ одномъ Исламъ религія проявилась, какъ отвлеченное государство, съ правомъ и потребностью всемірнаго завоеванія.

Въ нашъ вѣкъ просвѣщеніе неустойчиво завоевываетъ міръ для Христіанства, и Исламъ исчезаетъ. Оружіемъ мессіи Аравійскаго былъ мечъ, оружіемъ мессіи Еврейскаго, замкнувшаго навсегда все Иранское преданіе, было и будетъ слово.

IV, 416. Съ эпохою новорожденнаго Христіанства начинается новая эпоха исторіи, ясная, всёмъ знакомая, обработанная безконечнымъ множествомъ писателей; но она связана съ исторіею до-христіанскою связью неразрывною, ибо слѣды прошедшаго не легко изглаживаются, и жизнь прожитая долго обуславливаетъ будущую.

Явленіе Іисуса и Его законъ содержать въ себѣ начало всей позднѣйшей жизни міра; но это начало развилось только черезъ нѣсколько вѣковъ, такъ что первыя столѣтія принадлежать еще исключительно древней исторіи. Даже и тогда, когда знамя, поднятое Константиномъ, возвѣстило торжество Еврейскаго Учителя, когда новые народы, выступивъ изъ глубины сѣверныхъ пустынь, уничтожили въ своемъ дикомъ налетѣ прежнія государства Европы и, покорившись преемникамъ Апостоловъ, создали новыя державы, донинѣ правящія судьбою человѣчества,—смена добра и зла, просвѣщенія и заблужденій, брошенные прежнимъ развитіемъ человѣческой мысли, не погибли и не остались безплодными. Римъ и Эллада, воинственная дикость Германца и тѣсный бытъ Славянской семейности имѣли столько же вліянія на исторію повѣйшую, сколько и Христіанство. Поэтому мнѣніе, высказанное ревнителями закона Іисусова въ похвалу, или его врагами въ укоръ, будто бы все развитіе Европы послѣ Константина есть ничто иное какъ жизнь и развитіе Церкви, не имѣетъ никакого основанія. Какъ укоръ оно несправедливо, ибо мерзости разврата и кровопролитія, наполняющія всю лѣтопись христіанскихъ народовъ, не находятся въ логической связи съ ученіемъ, завѣщаннымъ отъ Еврейскихъ проповѣдниковъ; какъ похвала оно нелѣпо, ибо самая похвала была бы укоромъ. Основатели Церкви ужаснулись бы своего созданія, если бы на нихъ легла отвѣтственность Европейской исторіи. Одно только можетъ и должно быть сказано объ отношеніяхъ Христіанства къ народамъ, которые его исповѣдуютъ, именно то, что оно до сихъ поръ обуславливало крайніе предѣлы ихъ развитія. Таковъ смыслъ, всякой религіи: она есть граница всего духовнаго и умственнаго міра для человѣка. Народъ, выступившій изъ границъ своего вѣрованія, создаетъ себѣ вѣрованіе новое; отрицаніе же, еще не создавшее новаго положенія, находится въ прямой зависимости отъ положенія отвергаемаго. Поэтому до нашихъ временъ Христіанство (принимаемое или отрицаемое) есть законъ всего просвѣщеннаго міра; но одно только невѣжество можетъ смѣшивать Церковь, т. е. строгое и логическое развитіе начала христіанскаго, съ обществами, признающими, но не воплощающими его.

ЦЕРКОВЬ.

II.

Вселенскіе соборы.—Ученіе о Церкви.—Откровеніе.—Мѣра постиженія человѣкомъ божественной истины и выраженія ея человѣческимъ языкомъ.—Видимый образъ Церкви.—Христіанинъ какъ членъ гражданскаго общества.—Историческія судьбы Христіанства.—Церковная и государственная жизнь Византіи.

Послѣдователи Иисуса составили собою христіанскую Церковь. Ученіе Церкви, по мѣрѣ распространенія Христіанства, выражалось Вселенскими соборами.

IV, 552. Самые соборы не опредѣляли, но высказывали мысль и вѣрованія, живущія въ церковной общинѣ: они получали значеніе свое не отъ особенныхъ формъ, не отъ вещественныхъ признаковъ власти, но отъ согласія отсутствующихъ христіанъ на исповѣданіе, утвержденное ихъ представителями, епископами или духовными лицами, сидящими на соборѣ. Отъ того-то ни число присутствующихъ на соборѣ епископовъ, ни власть или согласіе императоровъ, ни согласіе старшихъ епископовъ и патріарховъ, никакая, наконецъ, виѣшняя примѣта, ничто не давало собору характера вселенскаго (т. е. общецерковнаго). Такъ, напр., на соборахъ, отвергнутыхъ Церковью, часто присутствовало такое число епископовъ, какого не бывало и на соборахъ, названныхъ Вселенскими; такъ многіе изъ нихъ были утверждены царями, многіе признаны всѣми патріархами, не исключая Римскаго (ибо рѣшеніе собора Миланскаго было подписано Либеріемъ, не выдержавшимъ императорскаго гоненія). Общее мнѣніе было судьею самаго собора, а соборъ только выраженіемъ духовнаго и нравственнаго единства.

IV, 557. Соборы отстояли для человѣчества великое ученіе, котораго благотворные плоды питали его донынѣ въ продолженіе многихъ вѣковъ, облагороживая и возвышая его помыслы и направляя его къ безконечно высокой цѣли. Объявлено было внутреннее тождество духа, Бога и человѣка въ проявленіи Мессіи. Догматъ былъ утвержденъ, и Церковь могла успокоиться; но новая страшная буря должна была ее потрясти и съ нею вмѣстѣ потрясти надолго и, можетъ-быть, ослабить навсегда Византійскую имперію. Первые вѣка Церкви были скудны обрядами и почти чужды всякой виѣшной формы поклоненія. Государственное торжество Христіанства при Константинѣ дало свободу виѣшной жизни: явились обряды, свободно созданные для выраженія жизни внутренней и внутренняго единства; духъ искусства создалъ новыя

молитвенныя пѣсни, новое христіанское зодчество, новую живопись, скудную въ отношеніи къ красотѣ пластической, богатую въ смыслѣ духовнаго выраженія, и это опять было дѣломъ Византійскаго міра. Икона сдѣлалась предметомъ любви, уваженія и почтительнаго поклоненія; въ темномъ народѣ она сдѣлалась предметомъ идолопоклонства. Противъ этого уклоненія отъ Христіанства возстали мужи сильные ревностію и духомъ, императоры прославленные побѣдными подвигами противъ иноземцевъ; но вмѣсто убѣжденія и ученія они въ дѣлѣ исправленія духовнаго вооружились властію. Сопротивленіе возбудило гордость; оскорбленная гордость выразилась жестокими гоненіями. Духовенство возстало противъ незаконнаго употребленія свѣтской власти (къ которой оно часто само беззаконно прибѣгало). Оно чувствовало себя униженнымъ и угнетеннымъ и вступилось столько же за свои житейскія выгоды, какъ и за свои церковныя права. Страсти разгорѣлись; внутренній раздоръ погубилъ силы государства; истина затмѣнилась въ неизбѣжномъ ожесточеніи междоусобицы. Войско, вещественныя силы и едва ли не чистота намѣреній были на сторонѣ гонителей иконоборцевъ. Но народное убѣжденіе, право и истина были на сторонѣ гонимыхъ защитниковъ иконъ.

Надъ этимъ вѣковымъ споромъ гордо смѣялась новая наука. Смыслъ его для нея такъ же темень, какъ и для невѣжества прежнихъ церковныхъ историковъ. И тѣмъ и другимъ не доставало безпристрастнаго просвѣщенія. Истинное значеніе иконоборческихъ споровъ весьма важно и, достойно величія человѣческой исторіи, болѣе достойно, чѣмъ мелкія войны, мелкія побѣды дикарей надъ дикарями, которыми гордятся западная Европа и ея кровавыя лѣтописи. Иконоборецъ возставалъ противъ злоупотребленія, унижающаго Христіанство до идолопоклонства; но онъ вмѣшивалъ власть и принужденіе въ дѣло высшей человѣческой свободы, но его торжество было бы приговоромъ не надъ однѣми иконами, а надъ всякимъ обрядомъ. Защитники иконъ защищали въ нихъ право человѣческой свободы, а еще болѣе право каждаго человѣка и каждой общины въ ея живомъ единствѣ выражать свою мысль и свое чувство словомъ, звукомъ и образомъ. Они побѣдили, и ихъ побѣда спасла неприкосновенность Церкви и ея вѣру въ самую себя и въ живую мысль, которая должна устранить идолопоклонство безъ всякаго внѣшняго принужденія, и поэтическую свободу обряда, и будущее художество. Таково было дѣло второго собора Никейскаго, послѣдняго изъ великихъ соборовъ.

Этимъ соборомъ кончила Византія свой духовный подвигъ, утвердивъ навсегда догматъ, наукообразное выраженіе мысли, отстаивъ обрядъ, поэтическое выраженіе жизни.

Вселенскіе соборы выразили и самое ученіе о Церкви — *Церковь одна*.

II, 3. Единство Церкви слѣдуетъ необходимо изъ единства Божьяго; ибо Церковь не есть множество лицъ въ ихъ личной отдѣльности, но единство Божіей благодати, живущей во множествѣ разумныхъ творений, покоряющихся благодати. Дается же благодать и непокорнымъ и не пользующимся ею (зарывающимъ талантъ), но они не въ Церкви. Единство же Церкви не мнимое, не иносказательное, но истинное и существенное, какъ единство многочисленныхъ членовъ въ тѣлѣ живомъ.

II, 228. Дѣйствительно Церковь—не въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ вѣрующихъ, даже не въ видимомъ собраніи вѣрующихъ, но въ духовной связи ихъ объединяющей. Церковь есть откровеніе Святаго Духа, даруемое взаимной любви Христіанъ, той любви, которая возводитъ ихъ къ Отцу чрезъ Его воплощенное Слово, Господа нашего Иисуса. Божественное назначеніе Церкви состоитъ не только въ томъ, чтобы спасать души и совершенствовать личныя бытія: оно состоитъ еще и въ томъ, чтобы блюсти истину откровенныхъ тайнъ въ чистотѣ, неприкосновенности и полнотѣ, черезъ всѣ покаянія, какъ свѣтъ, какъ мѣрило, какъ судъ.

II, 3. Церковь одна, не смотря на видимое ея дѣленіе для чловѣка, еще живущаго на землѣ. Только въ отношеніи къ чловѣку можно признавать раздѣлъ Церкви на видимую и невидимую, единство же ея есть истинное и безусловное. Живущій на землѣ, совершившій земной путь, несозданный для земнаго пути (какъ ангелы), не начинавшій еще земнаго пути (будущія поколѣнія), всѣ соединены въ одной Церкви—въ одной благодати Божіей; ибо еще неявленное твореніе Божіе для Него явно, и Богъ слышитъ молитвы и знаетъ вѣру того, кто еще не вызванъ Имъ изъ небытія къ бытію. Церковь же, тѣло Христово, проявляется и исполняется во времени, не измѣняя своего существеннаго единства и своей внутренней, благодатной жизни. Поэтому, когда говорится «Церковь видимая и невидимая», то говорится только въ отношеніи къ чловѣку.

Церковь видимая или земная живетъ въ совершенномъ общеніи и единствѣ со всѣмъ тѣломъ церковнымъ, коего глава есть Христосъ. Она имѣетъ въ себѣ пребывающаго Христа и благодать Духа Святаго во всей ихъ жизненной полнотѣ, но не въ полнотѣ ихъ проявленій; ибо творить и вѣдасть не вполне, а сколько Богу угодно. Такъ какъ Церковь земная и видимая не есть еще полнота и совершеніе всей Церкви, которымъ Господь назначилъ явиться при конечномъ

судъ Своего творенія: то она творитъ и вѣдаетъ только въ своихъ предѣлахъ, не судя остальному человѣчеству (по словамъ Апостола Павла къ Коринѳянамъ) и только признавая отлученными, т. е. не принадлежащими ей, тѣхъ, которые отъ нея сами отлучаются. Остальное же человѣчество, или чуждое Церкви, или связанное съ нею узами, которыя Богъ не изволилъ ей открыть, предоставляетъ она суду великаго дня. Церковь же земная судитъ только себѣ, по благодати Духа и по свободѣ, дарованной ей черезъ Христа, призывая и все остальное человѣчество къ единству и къ усмысленію Божьему во Христѣ; но надъ неслышавшими ея призыва не пропнноситъ приговора, зная повелѣніе своего Спасителя и Главы: «не судить чужому рабу».

II, 228. Сокровенныя связи, соединяющія земную Церковь съ остальнымъ человѣчествомъ, намъ не открыты; поэтому мы не имѣемъ ни права, ни желанія предполагать строгое осужденіе всѣхъ пребывающихъ внѣ видимой Церкви, тѣмъ болѣе, что такое предположеніе противорѣчило бы Божественному милосердію.

II, 4. Съ сотворенія міра пребывала Церковь земная непрерывно на землѣ и пребудетъ до совершенія всѣхъ дѣлъ Божіихъ по обѣщанію, данному ей Самимъ Богомъ. Признаки же ея суть: внутренняя святость, не позволяющая никакой примѣси лжи (ибо въ ней живетъ духъ истины) и виѣшняя неизмѣнность, ибо неизмѣненъ Хранитель и Глава ея Христосъ.

Всѣ признаки Церкви, какъ внутренніе, такъ и виѣшніе, познаются только ею самою и тѣми, которыхъ благодать призываетъ быть ея членами. Для чуждыхъ же и непривзанныхъ они непонятны, ибо виѣшнее измѣненіе обряда представляется непривзанному измѣненіемъ самаго Духа, прославляющагося въ обрядѣ (какъ напримѣръ, при переходѣ ветхо-завѣтной Церкви въ ново-завѣтную, или при измѣненіи обрядовъ и положеній церковныхъ со временъ апостольскихъ).—Церковь и ея члены знаютъ, внутреннимъ знаніемъ вѣры, единство и неизмѣнность своего духа, который есть духъ Божій. Виѣшніе же и непривзанные видятъ и знаютъ измѣненіе виѣшняго обряда виѣшнимъ знаніемъ, не постигающимъ внутренняго, какъ и самая неизмѣнность Божія кажется имъ измѣняемою въ измѣненіяхъ Его твореній. — Посему, не была и не могла быть Церковь измѣненною, помраченною или отпадшею, ибо тогда она лишилась бы духа истины. Не могло быть никакого времени, въ которое она приняла бы ложь въ свои нѣдра, въ которое бы міряне, пресвитеры и епископы подчинились предписаніямъ и ученію несогласнымъ съ ученіемъ и духомъ Христо-

вымъ. Не знаетъ Церкви и чуждъ ей тотъ, кто бы сказалъ, что могло въ ней быть такое оскудѣніе духа Христова. Частное же возстаніе противъ ложнаго ученія, съ сохраненіемъ или принятіемъ другихъ ложныхъ ученій, не есть и не могло быть дѣломъ Церкви: ибо въ ней, по ея сущности, должны были всегда быть проповѣдники и учителя и мученики, исповѣдующіе не частную истину съ примѣсю лжи, но полную и безпримѣсную истину. Церковь знаетъ не отчасти истину и отчасти ложь, а полную истину и безъ примѣси лжи. — Живущій же въ Церкви не покоряется ложному ученію, не принимаетъ таинства отъ ложнаго учителя; зная его ложнымъ, не слѣдуетъ обрядамъ ложнымъ. И Церковь не ошибается сама, ибо есть истина; не хитритъ и малодушничаетъ, ибо свята. Точно также Церковь, по своей неизмѣнности, не признаетъ ложью того, что она когда-нибудь признавала за истину; и объявивъ, общимъ соборомъ и общимъ согласіемъ, возможность ошибки въ ученіи какого-нибудь частнаго лица или какого-нибудь епископа или патріарха (какъ напр., папы Онорія на Халкидонскомъ соборѣ), она не можетъ признать, что сіе частное лицо, или епископъ, или патріархъ, или его преемники, не могли впасть въ ошибку по ученію, и что они охранены отъ заблужденія какою-нибудь благодатію. Чѣмъ святилась бы земля, еслибы Церковь утратила свою святость? И гдѣ бы была истина, еслибы ея нынѣшній приговоръ былъ противенъ вчерашнему? Въ Церкви, то-есть въ ея членахъ, зарождаются ложныя ученія; но тогда зараженные члены отпадаютъ, составляя ересь или расколъ и не оскверняя уже собою святости церковной.

Церковь называется единою, святою, соборною (каѳолическою и вселенскою) и апостольскою; потому что она едина и свята, потому что она принадлежитъ всему міру, а не какой нибудь мѣстности; потому что ею святятся все человѣчество и вся земля, а не одинъ какой нибудь народъ или одна страна; потому что сущность ея состоитъ въ согласіи и въ единствѣ духа и жизни всѣхъ ея членовъ, по всей землѣ, признающихъ ее; потому, наконецъ, что въ писаніи и ученіи апостольскомъ содержится вся полнота ея вѣры, ея упованій и ея любви.

Изъ сего слѣдуетъ, что когда называется какое-нибудь общество Христіанскою Церковью мѣстною, какъ-то Греческою, Россійскою или Сирійскою, такое названіе значить только собраніе членовъ Церкви, живущихъ въ такой-то странѣ (Греціи, Россіи, Сиріи и т. д.) и не содержитъ въ себѣ предположенія, будто бы одна община христіанъ могла выразить ученіе церковное или дать ученію церковному догматическое толкованіе безъ согласія другихъ общинъ; еще менѣе пред-

полагается, чтобы какая-нибудь община или пастырь ея могли предписывать свое толкованіе другимъ. Благодать вѣры неотдѣльна отъ святости жизни, и ни одна община, и ни одинъ пастырь не могутъ быть признанными за хранителей всей вѣры, какъ ни одинъ пастырь, ни одна община не могутъ считаться представителями всей святости церковной. Впрочемъ, всякая община христіанская, не присвоивая себѣ права догматическаго толкованія или ученія, имѣетъ вполне право измѣнять свои обряды, вводить новые, не вводя въ соблазнъ другія общины; напротивъ, отступая отъ своего мнѣнія и покоряясь ихъ мнѣнію, дабы то, что въ одномъ невинно и даже похвально, не показалось виновнымъ другому, и дабы братъ не ввелъ брата въ грѣхъ сомнѣнія и раздора. Единствомъ обрядовъ церковныхъ долженъ дорожить всякій христіанинъ, ибо въ немъ видимо проявляется, даже для непросвѣщеннаго, единства духа и ученія; для просвѣщеннаго же находится источникъ радости живой и христіанской. Любовь есть вѣнецъ и слава Церкви.

II, 12. Въ символѣ Никео - Константинопольскомъ, исповѣдавъ свою вѣру въ Тріипостасное Божество, Церковь исповѣдуетъ свою вѣру въ самую себя, потому что она себя признаетъ орудіемъ и судомъ божественной благодати и дѣла свои признаетъ за дѣла Божіи, а не за дѣла лицъ, повидимому ея составляющихъ. Въ семъ исповѣданіи она показываетъ, что знаніе объ ея существованіи есть также даръ благодати, даруемой свыше и доступной только вѣрѣ, а не разуму.

Ибо какая бы мнѣ была нужда сказать: вѣрую, когда бы я зналъ? Вѣра не есть ли обличеніе невидимыхъ? Церковь же видимая не есть видимое общество христіанъ, но духъ Божій и благодать таинствъ, живущихъ въ этомъ обществѣ. Посему и видимая Церковь видима только вѣрующему, ибо для невѣрующаго таинство есть только обрядъ, и Церковь только общество. Вѣрующій, хотя глазами тѣла и разума видитъ Церковь только въ ея ви́шнихъ проявленіяхъ, но сознаетъ ее духомъ въ таинствахъ и въ молитвѣ и въ богоугодныхъ дѣлахъ. Посему онъ не смѣшиваетъ ея съ обществомъ, носящимъ имя христіанъ, ибо не всякій, говорящій «Господи, Господи», дѣйствительно принадлежитъ роду избранному и сѣмени Авраамову. Вѣрую же знаетъ истинный христіанинъ, что Единая Святая Соборная, Апостольская Церковь никогда не исчезнетъ съ лица земли до послѣдняго суда всей твари, что она пребываетъ на землѣ видимо для глазъ плотскихъ и плотики мудрствующаго ума въ видимомъ обществѣ христіанъ; точно также какъ она пребываетъ видимою для глазъ вѣры въ Церкви за-

гробной, невидимой для глазъ телѣсныхъ. Вѣрою же знаетъ христіанинъ и то, что Церковь земная, хотя и невидима, всегда облечена въ видимый образъ; что не было, не могло быть и не будетъ того времени, въ которое исказились бы таинства, изсякла святость, испортилось ученіе; и что тотъ не христіанинъ, кто не можетъ сказать: гдѣ отъ самаго времени апостольскаго совершались и совершаются святая таинства, гдѣ хранилось и хранится ученіе, гдѣ возсылались и возсылаются молитвы къ престолу благодати? Святая Церковь исповѣдуетъ и вѣруетъ, что никогда овцы не были лишены своего Божественнаго Пастыря, и что Церковь никогда не могла ни ошибиться по неразумію (ибо въ ней живетъ разумъ Божій), ни покориться ложнымъ ученіямъ по малодушію (ибо въ ней живетъ сила духа Божія).

II, 17. Церковь живетъ даже на землѣ не земною человѣческою жизнію, но жизнію божественною и благодатною. Посему не только каждый изъ членовъ ея, но и вся она торжественно называетъ себя Святою. Видимое ея проявленіе содержится въ таинствахъ, внутренняя же жизнь ея въ дарахъ Духа Святаго, въ вѣрѣ, надеждѣ и любви. Угнетаемая и преслѣдуемая виѣшними врагами, не разъ возмущенная и разорванная злыми страстями своихъ сыновъ, она сохранялась и сохраняется непоколебимо и неизмѣнно тамъ, гдѣ неизмѣнно хранятся таинства и духовная святость, никогда не искажается и никогда не требуетъ исправленія. Она живетъ не подъ закономъ рабства, но подъ закономъ свободы, не признаетъ надъ собою ничьей власти кромѣ собственной, ничего суда кромѣ суда вѣры (ибо разумъ ея не постигаетъ), и выражаетъ свою любовь, свою вѣру и свою надежду въ молитвахъ и обрядахъ, внушаемыхъ ей духомъ истины и благодатью Христовою. Посему, самые обряды ея, хотя и ненеизмѣнны (ибо созданы духомъ свободы и могутъ измѣняться по суду Церкви), никогда и ни въ какомъ случаѣ не могутъ содержать въ себѣ какую-нибудь, хотя малѣйшую примѣсь лжи или ложнаго ученія. Обряды же, еще неизмѣненные, обязательны для членовъ Церкви, ибо въ ихъ соблюденіи радость святаго единства.

II, 199. Но крайне несправедливо думать, что Церковь требуетъ принужденнаго единства или принужденнаго послушанія; напротивъ, она гнушается того и другаго: ибо въ дѣлахъ вѣры принужденное единство есть ложь, а принужденное послушаніе есть смерть.

II, 255. Церковь зоветъ въ свои объятія всѣ народы и въ полнотѣ несомнѣннаго упованія ожидаетъ пришествія своего Спасителя. Спокойнымъ окомъ зрѣтъ она, какъ вѣкъ за вѣкомъ, волна за волною,

гроза исторических тревоженій, потоки страстей и мыслей человѣческих клубятся и мечутся вокругъ камня, на которомъ она утверждается; зрѣть и не смущается, ибо вѣрить въ его несокрушимость. Камень этотъ -- Христосъ.

II, 26. По волѣ Божіей Св. Церковь, послѣ отпаденія многихъ расколовъ и Римскаго патріаршества, сохранилась въ епархіяхъ и патріаршествахъ Греческихъ, и только тѣ общины могутъ признавать себя вполне христіанскими, которыя сохраняютъ единство съ восточными патріаршествами или вступаютъ въ сіе единство; ибо одинъ Богъ и одна Церковь, и нѣтъ въ ней ни раздора ни разногласія.

Посему Церковь называется Православною, или Восточною, или Греко-Россійскою; но всѣ сіи названія суть только названія временныя. Не должно обвинять Церковь въ гордости, потому что она себя называетъ Православною, ибо она же себя называетъ Святою. Когда исчезнутъ ложныя ученія, не нужно будетъ и имя Православія; ибо ложнаго Христіанства не будетъ. Когда распространится Церковь или войдетъ въ нее полнота народовъ, тогда исчезнутъ всѣ мѣстныя наименованія; ибо не связывается Церковь съ какою-нибудь мѣстностію и не хвалится какою-нибудь отдѣльною епархіею или областію, и не хранитъ наслѣдства языческой гордости; но она называетъ себя Единою, Святою, Соборною и Апостольскою, зная, что ей принадлежитъ весь міръ и что никакая мѣстность не имѣетъ особаго какого-нибудь значенія, но временно только можетъ служить и служить для прославленія имени Божіаго, по Его неисповѣдимой волѣ.

II, 244. Всѣ тайны вѣры были открыты Церкви Христовой, отъ самаго ея основанія. Все внутреннее познаніе Божественнаго (въ той мѣрѣ въ какой оно доступно земному человѣчеству) было дано ей отъ начала; и всѣ эти тайны, все это познаніе, выражены были первыми Христовыми учениками, но были выражены только для Церкви и только ею могутъ быть поняты. Сами по себѣ Богъ и Божественное невыразимы, слово человѣческое не въ состояніи ни опредѣлить, ни описать ихъ; оно можетъ только возбудить въ разумѣ, т. е. въ мірѣ человѣческомъ, мысль или порядокъ мыслей, соотвѣтственныхъ реальности міра Божественнаго. Мы знаемъ, что даже въ области человѣческихъ предметовъ слова, которыми выражаются не отвлеченности, а понятія взятые изъ живой реальности (вещественной или духовной) бывають понятны только для людей, обладающихъ физическими органами или духовными способностями, необходимыми для ихъ пониманія; иными словами, понятны въ той мѣрѣ, въ какой составляютъ какъ бы

долю жизни самаго постигающаго субъекта. Оттого слѣпому недоступно дѣйствительное пониманіе словъ: «свѣтъ и цвѣтъ»; оттого человѣкъ, лишенный чувства красоты, не понимаетъ словъ ее выражающихъ; оттого душа, огрубѣвшая въ чувственности или погрязшая въ эгоизмѣ, слышитъ доносящіеся до нея слова любви, благоговѣнія и почтенія, но не проникаетъ въ ихъ смыслъ. Не тѣмъ ли съ болѣе большимъ основаніемъ должны мы признать, что слова, которыми выражаются понятія о мірѣ Божественномъ, могутъ быть понятны только для того, чья собственная жизнь находится въ согласіи съ реальностью этого міра? Если самыя эти понятія недоступны человѣческой мысли, пребывающей въ уединеніи своей личной немощи и порочности, а постигаются только Духомъ Божиимъ, который открываетъ ихъ нравственному единству христіанскаго общества: то естественно, что и слова, служація имъ выраженіемъ, представляются въ своемъ реальномъ смыслѣ только тому, чья жизнь составляетъ какъ бы живую принадлежность организма Церкви.

II, 246. Человѣческое слово есть только знакъ, болѣе или менѣе условный, смыслъ котораго измѣняется не только по языкамъ, нарѣчіямъ и эпохамъ, но и по мѣрѣ развитія науки и умственной жизни людей въ вещахъ человѣческихъ. И Церковь унаслѣдовала отъ блаженныхъ Апостоловъ не слова, а наслѣдіе внутренней жизни, наслѣдіе мысли невыразимой и однако постоянно стремящейся выразиться. Слово Церкви видоизмѣняется во свидѣтельство безконечности идеи; иначе, это слово было бы не болѣе какъ вещественнымъ отголоскомъ, звучащимъ изъ вѣка въ вѣкъ, но ничего не выражающимъ кромѣ развѣ безплодности и вялости умственного труда, или даже полного его отсутствія.

Мы это видимъ съ самаго начала. Если бы таинственное и приснопоклоняемое имя «Сынъ Божій» обнимало во всей полнотѣ христіанскую идею о Томъ, Кто воплотился ради нашего спасенія, то къ чему бы придавать ему еще другое Божественное имя «Вѣчнаго Слова?» Или, если это послѣднее имя было необходимо для выраженія идеи, то почему бы ему не быть произнесеннымъ въ самомъ началѣ Евангельской проповѣди?

Читая писанія апостольскія, предшествовавшія писанію Іоанна, иногда невольно какъ бы сѣтуешь, не находи въ нихъ названія столь выразительнаго, сіяющаго въ первой строкѣ Іоаннова Евангелія. «Образъ Отца», «сіяніе славы Его» и другія подобныя выраженія, правда, открываютъ намъ ту же мысль, какая заключена и въ имени «Слово», но указываютъ ее не столь ясно. И такъ скажемъ ли мы,

что появленіемъ этого термина знаменуется прогрессъ въ развитіи Церкви? Отнюдь нѣтъ, ибо полнота церковной мысли чувствуется и въ выраженіяхъ Св. Павла; но дѣло въ томъ, что явился новый слушатель. Иудей, Римлянинъ, Грекъ-мастеровой ничего бы не поняли, если бы Св. Павелъ заговорилъ о Словѣ. Это выраженіе не пробудило бы въ ихъ представленіи никакой идеи; оно бы для нихъ не имѣло смысла. Но къ Церкви Христовой примкнулъ новый личный элементъ, новая историческая жизнь—воспитанники Греческой философіи. Выраженіе сравнительно съ прежними болѣе сжатое и болѣе ясное, но которое до той поры было бы непонятно, стало теперь возможно; Св. Іоаннъ возглашаетъ его, и ликующая Церковь повторяетъ его въ день торжественнѣйшаго изъ своихъ празднествъ. Значить ли это, что Церковь обрѣла наконецъ терминъ для выраженія своей мысли? Какъ! Слово, этотъ улетающійся звукъ, или этотъ нѣмой знакъ начертанный или оттиснутый, это нѣчто измѣняющееся и условное, это нѣчто не имѣющее ничего своего, не имѣющее даже жизни по себѣ, жизни, такъ сказать, личной, признать его за выраженіе способное обнять и опредѣлить существо Бога, Спасителя нашего, Того, Кто есть безусловная жизнь и истина? Этого и предположить нельзя. Нѣтъ, не тому радуется Церковь, что будто бы удалось ей наконецъ выразить мысль свою, а тому, что указала ясно своимъ чадамъ такую мысль, которой никакой языкъ человѣческій выразить не можетъ. Всѣ слова наши, если смѣю такъ выразиться, суть не свѣтъ Христовъ, а только тѣнь Его на землѣ. Блаженны тѣ, которымъ дано, созерцая эту тѣнь на поляхъ Іудей, угадывать небесный свѣтъ Оавора. Этотъ свѣтъ постоянно свѣтитъ для Церкви, но открывается не иначе, какъ сквозь тѣнь вещества; ибо языкъ нашъ вполнѣ вещественъ, не только по своей формѣ, но и во всѣхъ почти корняхъ своихъ, хотя онъ и невещественъ по своему началу. Еслибы Апостолъ обращался къ инымъ слушателямъ, если бы онъ встрѣтилъ въ нихъ другую умственную подготовку, можетъ быть, онъ употребилъ бы иные выраженія.

II, 62. Вѣра всегда есть слѣдствіе откровенія опознаннаго, то есть признаннаго за откровеніе; она есть созерцаніе факта невидимаго, проявленнаго въ фактъ видимомъ; вѣра не то что вѣрованіе или убѣжденіе логическое, основанное на выводахъ, а гораздо болѣе. Она не есть актъ одной познавательной способности, отрѣшенной отъ другихъ, но актъ всѣхъ силъ разума, охваченнаго и плѣненнаго до послѣдней его глубины живою истиною откровеннаго факта. Вѣра не только мыслится или чувствуется, но, такъ сказать, и мыслится или чувствуется вмѣстѣ; словомъ—она не одно познаніе, но познаніе и жизнь.

II, 57. Духъ Божій, глаголющій священными писаніями, поучающій и освѣщающій священнымъ преданіемъ вселенской Церкви, не можетъ быть постигнутъ однимъ разумомъ. Онъ доступенъ только полнотѣ человѣческаго духа, подѣ наитіемъ благодати. Попытка проникнуть въ область вѣры и въ ея тайны, преднося передъ собою одинъ свѣтлильникъ разума, есть дерзость въ глазахъ христіанина, не только преступная, но въ тоже время безумная. Только свѣтъ, съ неба сходящій и проникающій всю душу человѣка, можетъ указать ему путь; только сила, даруемая Духомъ Божиимъ, можетъ вознести его въ тѣ неприступныя высоты, гдѣ является Божество. «Только тотъ можетъ понять пророка кто самъ пророкъ», говоритъ Св. Григорій Чудотворецъ. Только само Божество можетъ уразумѣть Бога и безконечность Его премудрости. Только тотъ, кто въ себѣ носитъ живаго Христа, можетъ приблизиться къ Его престолу, не уничтожившись передъ тою славою, передъ которою самыя чистыя силы духовныя повергаются въ радостномъ трепетѣ. Только Церкви, святой и безсмертной, живому ковчегу Духа Божьяго, носящему въ себѣ Христа, своего Спасителя и Владыку, только ей одной, связанной съ Нимъ внутреннимъ и тѣснымъ единеніемъ, котораго ни мысль человѣческая не въ силахъ постигнуть, ни слово человѣческо не въ силахъ выразить, дано право и дана власть созерцать небесное величіе и проникать въ его тайны. Я говорю о Церкви въ ея цѣлости, о Церкви, по отношенію къ которой Церковь земная составляетъ нераздѣльную отъ нея часть.

Земная Церковь живетъ и дѣйствуетъ въ средѣ человѣческаго общества, въ составѣ государства. Черезъ это измѣняется ея видимый образъ.

I, 239. Дѣйствительно, какъ бы ни было совершенно человѣческое общество и его гражданское устройство, оно не выходитъ изъ области случайности исторической и человѣческаго несовершенства; оно само совершенствуется или падаетъ, во всякое время оставаясь далеко ниже недосигаемой высоты неизмѣнной и богоправимой Церкви.

I, 240. Каждый христіанинъ есть въ одно и тоже время гражданинъ обоихъ обществъ, совершеннаго, небеснаго (Церкви) и несовершеннаго, земнаго (Государства). Въ себѣ совмѣщаетъ онъ обязанности двухъ областей, неразрывно въ немъ соединенныхъ, и при правильной внутренней и духовной жизни переноситъ безпрестанно уроки высшей въ низшую, повинуюсь обѣимъ. Строго исполняя всякій долгъ, возлагаемый на него земнымъ обществомъ, онъ въ совѣсти своей, очищенной уроками Церкви, неусыпно наблюдаетъ за каждымъ своимъ по-

ступкомъ и допрашиваетъ себя объ употребленіи всякой данной ему силы или права, дабы усмотрѣть, не оставляетъ ли пользованіе ими какого-нибудь пятна или сомнѣній въ его душѣ или въ убѣжденіяхъ его братій, и не лучше ли иногда воздержаться ему самому даже отъ дозволеннаго и законнаго, или нѣтъ ли наконецъ у него въ отношеніи къ его земному отечеству обязанностей, которыхъ оно еще не возлагаетъ на него. Жизнь его и слово дѣлаются въ одно время и примѣромъ, и наставленіемъ для другихъ, также какъ и онъ самъ отъ другихъ, лучшихъ, получаетъ примѣръ и наставленіе. Эта искренняя и непринужденная и безропотная бесѣда между требованіями двухъ областей въ самой душѣ человѣка есть тотъ великій двигатель, которымъ небесный законъ Христіанства подвигаетъ впередъ и возвышаетъ народы, принявшіе его. Конечно, въ душѣ, въ словѣ и дѣлѣ человѣка могутъ быть ошибки; но нѣтъ искаженія и, слѣдовательно, возможности улучшенія безъ возможности ошибки. Участъ же общества гражданскаго зависитъ отъ того, какой духовный законъ признается его членами и какъ высока нравственная область, изъ которой они черпаютъ уроки для своей жизни въ отношеніи къ праву положительному. Такова причина, почему всѣ государства не-христіанскія, какъ ни были они грозны и могущи въ свое время, исчезаютъ передъ міромъ христіанскимъ; и почему въ самомъ Христіанствѣ тѣмъ державамъ опредѣляется высшій удѣлъ, которыя полнѣе сохраняютъ его святой законъ.

Такова была судьба Христіанства и въ первой державѣ, принявшей его какъ государственную религію, въ Восточно-Римской Имперіи.

I, 217. Право и понятіе о государствѣ оставались въ тѣхъ упорныхъ формахъ, которыя были даны Римомъ. Прочна была работа вѣчнаго города. Не безъ полнаго ясновидѣнія явился онъ пророку въ истуканѣ желѣзномъ на глиняныхъ ногахъ. Шатки и ненадежны были основы его величія; но логическое развитіе его настройки было сковано изъ неразрушимаго желѣза. Его юридическая цѣпь охватила и сдавила жизнь Византіи. Свободная и плодотворная во всякой другой области, мысль Эллина въ области права рабски слѣдовала по путямъ, ей указаннымъ ея учителями—законодателями Рима; и, не смотря на нѣкоторыя слабыя попытки позднѣйшаго законодательства, болѣе искажившаго, чѣмъ измѣниваго стройную цѣльность законовъ, духъ закона оставался одинъ и тотъ же, и Христіанство почти не проникало въ каменный Капитолій юристовъ: тамъ жилъ и властвовалъ до конца духъ язычества.

I, 218. Все уголовное право, съ его страшными казнями, съ его свирѣпыми пытками, съ его безправственными судами и разрядами преступлений, было послѣдствомъ того Рима, который себя опредѣлилъ еще прежде отдѣленія Восточной имперіи. Точно тоже должно сказать и о всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ и о всѣхъ ихъ мертвящихъ формахъ; точно тоже обо всей общественной жизни съ ея играми, съ ея торжествами (кромѣ церковныхъ), съ ея триумфами, съ ея гордо-стію, съ ея самоуноеніемъ и со всею этою позолоченою ветошью языческаго міра, которая охватывала всѣ общественные нравы и была узаконена государственнымъ правомъ. Христіанство не могло разорвать этой сплошной сѣти злыхъ и противу-христіанскихъ началъ. Оно удалилось въ душу человѣка; оно старалось улучшить его частную жизнь, оставляя въ сторонѣ его жизнь общественную и произнося только приговоръ противъ явныхъ слѣдовъ язычества: ибо самыя великіе дѣятели христіанскаго ученія, воспитанные въ гражданскомъ понятіи Рима, не могли еще вполне уразумѣть ни всей лжи Римскаго общественнаго права, ни безконечно-трудной задачи общественнаго построенія на христіанскихъ началахъ. Ихъ благотѣльная сила разбивалась о правильную и слитную кладку Римскаго зданія. Единственнымъ убѣжищемъ для нихъ осталась тишина созерцательной жизни. Лучшія, могущественнѣйшія души удалялись отъ общества, котораго не смѣли осуждать и не могли спосить. Всякое свѣтлое начало старалось спасти себя въ уединеніи. Темнѣе становились города, просіявали пустыни, и добродѣтели личныя возносились къ Богу, какъ очистительный ѳиміамъ, между тѣмъ какъ зловоніе общественной неправды, разврата и крови заражало государство и сквернило всю землю Византійскую.

Ей не было суждено представить исторіи и міру образецъ христіанскаго общества; но ей было дано великое дѣло уяснить вполне христіанское ученіе, и она совершила этотъ подвигъ не для себя только, но для насъ, для всего человѣчества, для всѣхъ будущихъ вѣковъ. Сама Имперія пала все ниже и ниже, истощая свои нравственныя силы въ разладѣ общественныхъ учреждений съ нравственнымъ закономъ, признаваемымъ всѣми; но въ душѣ лучшихъ ея дѣятелей и мыслителей, въ ученіи школъ духовныхъ и особенно въ святилищѣ пустынь и монастырей, хранилась до конца чистота и цѣльность просвѣтительнаго начала.

Начало это жило въ Церкви.